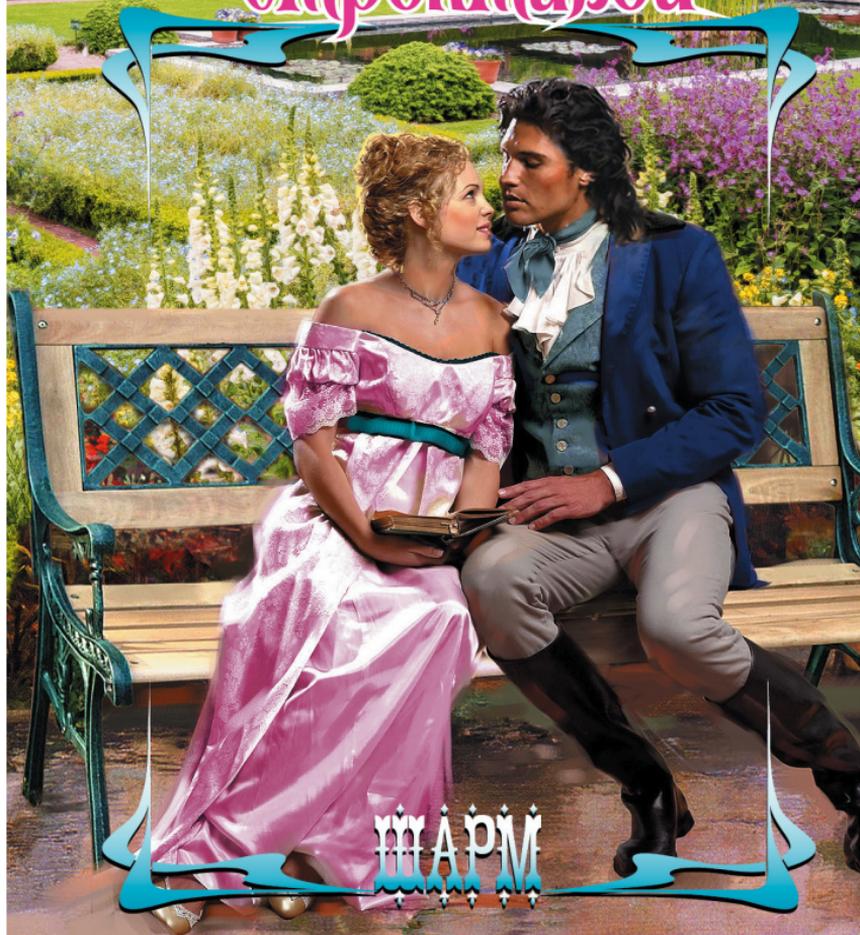

СЮЗАННА ЭНОК

Укрощение
строптивой

МАРМ

Сюзанна Энок

Укрощение строптивой

Серия «Скандальные невесты», книга 2

Серия «Шарм (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36360421

Укрощение строптивой : [роман] / Сюзанна Энок : АСТ; Москва; 2018

ISBN 978-5-17-105336-9

Аннотация

Год назад юная Камилла Прайс самым скандальным образом сбежала из-под венца, не желая выходить за незнакомого ей человека, который даже не дал себе труда представиться невесте до свадьбы. Более того, она окончательно погибла в глазах общества, поступив на службу в игорный клуб!

Однако упрямый жених не отступает: более того, он разрабатывает хитрый план спасения беглянки, ради чего подсылает к ней завсегдатая клуба – своего неотразимого красавца кузена Китинга Блэквуда. И тут-то случается небольшая неожиданность: Китинг, очарованный Камиллой, принимается энергично спасать ее не в пользу другого, а исключительно для самого себя!..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	54
Глава 5	74
Глава 6	94
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Сюзанна Энок

Укрощение строптивой

Глава 1

Китинг Блэквуд пробудился ото сна с внезапностью ружейного выстрела. В комнате кто-то был. Тот, кого он не звал.

Не открывая глаз, Китинг осторожно пошевелился, чтобы сунуть руку под подушку, и стиснул пальцы на рукоятке спрятанного там ножа.

– А известно ли вам, что уже полдень? – слышался чей-то голос.

Разжав пальцы, Китинг открыл глаза и сел. В полумраке спальни он едва различал фигуру, направлявшуюся к ближайшему окну, скрытому за плотными темными шторами.

– Минутку. Нет!.. – Слепящий дневной свет ворвался в комнату. И казалось, луч солнца вонзился Китингу в череп.

– Черт подери, Фентон! – рявкнул он, зажмурившись. – Какого дьявола? Что вы здесь делаете?!

– Ищу вас. Мне необходима ваша помощь.

– Тогда задерните эти треклятые шторы и посидите в гостиной, пока я не выйду к вам.

– Замечательно. Кстати, фонарь под глазом, которым вы

щеголяете, просто бесподобен.

– Видели бы вы его автора!

Зашуршала тяжелая ткань, и в спальне снова стало темно. Когда Китинг снова открыл глаза, яркие алые точки по-прежнему роились перед ними, но по крайней мере он уже не чувствовал настоящей потребности вывернуться наизнанку.

– И попросите Барнса принести чаю, да пусть возьмет чайник побольше, – добавил Китинг, прижимая край ладони к вискам.

– Я не хочу чаю.

– Зато я хочу. Ступайте!

Оставшись в спальне один, Китинг разыскал в шкафу рубашку и брюки, которые надевал, стараясь не делать резких движений. Сапоги стояли у двери, но он пренебрег ими, так же как сюртуком и жилетом, еще с вечера заботливо выложенными для него Пиджоном. Бросив взгляд в сторону двери, он немного помедлил, затем взял свежевыглаженный шейный платок и повязал им голову (при толике везения эта повязка не даст разлететься на куски его черепу вместе со всем содержимым). Видит бог, пора отказаться от привычки пить русскую водку – или чем там его напоили накануне.

– Решили податься в пираты? – осведомился Фентон, когда Китинг, пошатываясь и держась за стены коридора, наконец-то доплелся до гостиной. – Могли бы надеть хотя бы шлепанцы...

– У меня их нет. – Китинг доковылял до дальнего окна, задернул шторы и уселся напротив кузена. – Рискуя показаться недоверчивым, все же спрошу: с чего вдруг вам понадобилась моя помощь? Только будьте любезны – покороче. Я в любую минуту могу испустить дух.

– Зачем мне понадобилась ваша помощь? – переспросил Стивен Поллард, маркиз Фентон, не сводивший с Китинга глаз. – Понимаю, вы избегаете Лондон. Но ведь наверняка читаете газеты...

– Да, Лондон избегаю. Да и какого дьявола мне читать о нем?

Барнс внес поднос с чайной посудой, тут же наполнил чашку и, положив в нее пять кусочков сахара, подал хозяину.

– Благодарю, – кивнул Китинг дворецкому и медленно, с наслаждением сделал большой глоток.

– К чему эти хлопоты с чаем? – Фентон пожал плечами. Налив себе чаю, он подчеркнуто церемонно положил в чашку один-единственный кусочек сахара.

Китинг сделал еще глоток. Чай был слишком горячий и сладкий, как сироп.

– А я думал, вы не хотите чаю, – пробормотал он.

Его кузен перевел взгляд на свою чашку и слегка поморщился, отставляя ее.

– Я и впрямь не хочу. Просто попытался выразить свое мнение. Насчет сахара.

– Да, я заметил, – отозвался Китинг. – И был уязвлен до

глубины души.

– Мне казалось, сладкий чай, выпитый утром, точнее – в полдень, с похмелья, способен убить любого, – заметил гость.

– Мне с избытком хватило времени и возможностей для опытов. Так вот, сладкий чай очень помогает. Изредка. – Китинг вздохнул и проворчал: – Стало быть, вы не прочь побеседовать о чае? – Он отпил еще глоток, но без особой надежды на то, что резкая боль в голове притупится.

– Вовсе нет. – Кузен покачал головой.

– Вот и хорошо. Потому что это означало бы, что вы проделали долгий путь без сколько-нибудь значительной причины. Может быть, перейдем к делу?

Фентон свесил кисти рук между коленями.

– Да, разумеется. Вы помните лорда и леди Монтшир, а также то дурацкое соглашение, которое они заключили с моими родителями?

Тут Китинг вдруг ухмыльнулся и проговорил:

– Боже, так ей что, уже двадцать один год? И вас коробит при мысли о том, что вы скованы, словно кандалами, с юной девицей, которую ни разу в жизни не видели? Рекомендую вам закрыть глаза и думать... об Англии.

– Ей уже двадцать два. – Маркиз нахмурился. – И если уж на то пошло... Знаете, меня вполне устраивала возможность не тратить прошедшие восемь лет, ухаживая при дворе за другими юными девицами. И вообще, было приятнее

воздерживаться от всей этой галантной чепухи. Что может быть удобнее, чем просто назначить дату, явиться в церковь, а потом обзавестись наследником?

– Вас послушать, так семейная жизнь кажется столь же привлекательной, как надгробие. – Китинг снова ухмыльнулся и тут же поморщился, осторожно потрогав пальцем синяк под глазом. Припухлость вроде бы немного уменьшилась. А вчера даже глаз не открывался. – И в чем же тогда состоит ваше затруднение? Или мне самому догадаться? Вы встретились с ней и обнаружили, что она вылитая гарпия? У нее косоглазие? Всего одна нога? У нее...

– Может, замолчите наконец? – перебил маркиз.

– Я просто пытаюсь догадаться... – Китинг пожал плечами.

– Так вот, она весьма милостива. Чуть больше года назад мой поверенный отвез ей бумаги, и она, а также ее родители, расписались везде, где требовалось. Затем мы дали объявление в газетах, и я прибыл в церковь. Даже вас пригласил посетить церемонию – что, не помните?

– Неужели?... – Китинг снова пожал плечами. Приглашение, должно быть, затерялось где-то среди пространных писем Фентона – страниц на десять каждое (как будто ему было хоть какое-то дело до того, кто пригласил его кузена на обед и какой именно герцог благосклонно кивнул в его сторону). – Больше года, говорите? И что же дальше?

– Девица сбежала.

Китинг ожидал услышать известие о какой-либо трагедии или иной превратности судьбы, но, услышав такой ответ, в растерянности заморгал.

– Сбежала?.. – переспросил он. – То есть расхотела выходить за вас замуж?

– Если точно, то произошло вот что... Она появилась в дверях церкви в прелестном белом наряде, а потом вдруг развернулась – и бросилась бежать. При этом опрокинула канделябр и чуть не спалила церковь.

Долгую минуту Китинг молча смотрел на кузена. Они росли почти как братья, но за последние лет десять успели отдалиться друг от друга. «Между участью сына маркиза и сына младшего брата маркиза есть кое-какая разница», – часто повторял Стивен. Для Китинга это означало следующее: едва осознав, что ему предстояло унаследовать титул, состояние и земли, Стивен стал настолько высокомерным и нетерпимым, что не выносил присутствия низших рядом с собой. И он, Китинг, навсегда был причислен к этим «низшим».

– Мм... поскольку вы довольно... приятны внешне, – проговорил он, немного щурясь даже в приглушенном свете гостиной, – вдобавок вы маркиз и обладатель состояния, которым сначала похваляетесь, а потом отказываетесь дать мне займы, то тогда... Тогда остается лишь спросить: не напугали ли вы ее каким-нибудь неосторожным словом?

– Напугал? Зачем мне ее пугать? Да и *как* я мог ее напугать, если ни разу даже словом не перемолвился с этой де-

вищей?

– Ни единым словом?

– Несколько раз я видел ее издалека, но... – Фентон развел руками. – Вы ведь знаете, я не из речистых. Не умею очаровывать дам беседой, как вы.

– Сумели бы, если бы удосужились хоть изредка держаться не так чопорно и прямо, словно проглотили палку от метлы. И не надо смотреть на всех свысока, – добавил Китинг.

– Для оскорблений нет никакой причины, сэр. Я – это я, а вы – это вы.

«Подобное заявление не предвещает ничего хорошего», – со вздохом подумал Китинг и, немного помолчав, проговорил:

– Поскольку ее уже согласились отдать вам в жены, Фентон, я бы предположил, что далеко она не ушла. Пожалуй, вам стоило бы написать ей письмо или же – это всего лишь предположение! – поговорить с ней и выяснить, что же, собственно, произошло.

– Я бы так и сделал, но, увы, моя невеста и в самом деле ушла далеко. Сначала исчезла, а потом, когда появилась... Оказалось, что она... нашла работу, – с возмущением проговорил маркиз.

Китинг едва не расхохотался. Смех душил его, но он все же сдержался и, изобразив удивление, спросил:

– Работу? Какого рода? Стала компаньонкой какой-нибудь леди? Уж наверняка не актрисой. Это было бы черес-

чур...

– Работу в клубе «Тантал».

– «Тантал»? А это что еще такое?.. – пробормотал Китинг, теперь уже с искренним удивлением.

Неужели Лондон за время его отсутствия окончательно погряз в трясине порока? Хм... Такого он не ожидал. Ему казалось, что после его отъезда многие попытаются превратиться в святых – хотя бы из опасения, как бы их не сравнили с ним.

– Боже милостивый, да вы и впрямь сделались отшельником, – проворчал маркиз.

Китингу вдруг стало совсем не до смеха. Отставив свою чашку, он поднялся.

– Поскольку вам известно, почему я здесь нахожусь, могу лишь пожелать вам удачи в ваших устремлениях, – отчеканил Китинг. – И, если позволите, маленький совет: попытайтесь выказать хотя бы толику... гуманизма, если отзывчивость вам не под силу. А теперь вон из моего дома.

– Проклятье, Китинг! Ведь шесть лет уже прошло... Я и не подозревал, что рана еще настолько свежа. Вы... – Фентон откашлялся. – Уж простите меня. Просто клуб «Тантал» известен всем и каждому. Он предмет очередного повального увлечения всего Лондона. Леди Камерон – точнее, теперь уже леди Хейбери – открыла этот проклятый клуб меньше года назад. И она берет на работу только девиц.

Тяжко вздохнув, Китинг сел на место. Фентон никогда

не интересовался никем, кроме собственной персоны, и нынешнее фиаско наглядно свидетельствовало о том, что маркиз и не думал изменять своим привычкам. Но если Стивену требовалась помощь... Что ж, это могло пойти на пользу беспутному кузену маркиза.

– Значит, Хейбери женился?

– Да. На вдове графа Камерона. – Фентон нахмурился. – Но не уклоняйтесь от разговора. У нас речь о моей невесте. Китинг стиснул зубы и кивнул.

– Что ж, прекрасно. Итак, клуб «Тантал». Это что, публичный дом? – предположил он, считая, что маркиз Хейбери не побрезговал бы и таким предприятием. – Но если туда попала ваша нареченная, то вам лучше поискать другую.

Лицо маркиза побагровело.

– Нет, не публичный дом, будь он проклят! Но вы не первый, кто предполагает такое...

– Интуиция, мой друг. И не только моя. Так что поищите будущую леди Фентон где-нибудь в другом месте.

С силой хватив кулаком по подлокотнику своего кресла, Фентон, нахмурившись, проворчал:

– Если ее... обесчестили, я так и сделаю, поищу другую. Но это заведение безумно популярное, престижное и элитарное, и джентльмены – члены клуба – клянутся и божатся, что там все пристойно и законно. Но я-то стал посмешищем. Ведь получается, что дочь графа Монтшира согласна зарабатывать себе на хлеб, обслуживая равных мне, лишь бы толь-

ко не выходить за меня замуж. Ей даже не хватило приличия скрыться где-нибудь в провинциальной глуши, где про нее вскоре все забыли бы. Вот что она со мной сделала!

– Так заберите ее оттуда.

– Об этом я уже думал. Но, во-первых, леди Хейбери отказалась впустить меня в клуб «Тантал» даже в качестве гостя какого-нибудь другого посетителя. Меня внесли в черный список. Меня!.. А во-вторых... Видите ли, я понятия не имею, как вести себя с настолько... неуступчивой и эгоистичной особой. И, наконец, в-третьих: я не знаю, как должен действовать. Я хочу вернуть ее в ту церковь – да в какую угодно! – и привести к алтарю, хочу, чтобы она была признательна за то, что ей представился второй шанс...

– То есть хотите, чтобы она немного присмирела? – перебил Китинг.

– Да, разумеется. Ведь она совершила ошибку. Чудовищную ошибку. А я готов дать ей еще одну возможность – ради ее будущего и...

– Чтобы над вами перестали смеяться?

– Да, и ради этого тоже, – кивнул Фентон. – Кому, как не вам, знать, что второй шанс выпадает редко? Она могла бы вернуть себе благосклонность своих родных, вести достойную, комфортную жизнь и обеспечить такое же будущее своим детям. Ведь я не жестокий человек. Да, я, пожалуй, немного высокомерен, но если маркиз в девятом поколении не гордится этим фактом, тогда ему лучше быть простым

фермером.

Китинг невольно окинул взглядом гостиную своего маленького уютного пристанища. Хэверд-Глен напоминал фермерский дом, хотя и не являлся таковым. А сам Китинг настриг уже достаточно овец, чтобы удостоиться титула фермера-джентльмена.

– Да, безусловно, – кивнул он.

– Так вот, я хочу лишь сказать, что с ее стороны разумнее не упускать второй шанс, – добавил маркиз. – Потому что третьего не будет.

Китинг уже это понял. И был всерьез обеспокоен тем, что кузен, похоже, прекрасно знал, как воздействовать на него, и без колебаний пускал в ход уловки. Следовательно, все ясно: ему необходимо получше скрывать давние раны, пока кто-нибудь еще не попытался посыпать на них солью.

Какое-то время Китинг молча смотрел на шторы, прикрывавшие окно. Наконец объявил:

– Я хочу получить кое-что взамен.

– Я так и думал, – кивнул маркиз. – Видимо, имеются в виду те пять тысяч фунтов, о которых вы просите меня уже четыре года.

– Пожалуй, этого хватит... – Хм... такой готовности он не ожидал. А значит, Фентон хотел вернуть леди Камиллу Прайс во что бы то ни стало. – Да, наверное, хватит, если присовокупить к ним еще пять тысяч фунтов.

Фентон в растерянности заморгал:

– Десять тысяч за то, чтобы доставить девицу в церковь?!

Нет, не согласен.

– Но это будет не так-то просто, если вспомнить, что девица сбежала от вас уже больше года назад, – заметил Китинг. – Если же вам кажется, что цена слишком велика... Что ж, можете обратиться за помощью к кому-нибудь другому.

– Проклятье, Китинг! Вы, между прочим, негодяй.

– Да, мне об этом уже говорили. Так что, по рукам?

– Лучше бы вы сняли с головы этот свой платок. Он, знаете ли, не внушает доверия...

– А я и не собирался внушать вам доверие. Не забывайте, это вы явились ко мне с визитом, а не я к вам. И мне вполне достаточно того, что я сижу здесь босиком и смотрю на вас в ожидании, когда вам надоест осыпать меня оскорблениями и вы наконец удалитесь.

– Но вы же только что сказали, что возьметесь за это дело, разве не так? Только без огласки. Я никому не доверяю так, как моему кузену.

– Скверная репутация которого способна затмить даже вашу репутацию посмешища, – с ухмылкой заметил Китинг.

– Вот именно. Хотя... Сомневаюсь, что кто-то вообще помнит, что мы с вами кузены. По крайней мере, я на это надеюсь. Но ваше присутствие... отвлечет нежелательное внимание от моей персоны.

– И все будут глазеть лишь на меня. – Китинг со вздохом закрыл глаза. – Так вот, ни на какие уступки я не пойду, Сти-

вен. Десять тысяч фунтов – вот так-то. И ведь вам известно, что мне можно доверять, не так ли?

Тяжело вздохнув, маркиз поднялся и протянул Китингу руку.

– Согласен, черт побери. Десять тысяч фунтов через двадцать четыре часа после того, как я стану женатым человеком.

Китинг тоже встал и пожал кузену руку.

– Но мне нужна расписка. И я рассчитываю, что вы будете выполнять мои указания. Потому что уже ясно, что полагаться на самого себя, когда речь идет о леди Камилле, вам не стоит.

– Да-да, расписка будет. И я сделаю все, что вы скажете. Так что к пятнице перебирайтесь в Лондон.

– А вы приготовьте соглашение мне на подпись к моменту моего приезда. Иначе я уеду обратно, – проговорил Китинг.

После ухода Фентона он почти в полной темноте сел допивать чай. Значит, предстояло вернуться в Лондон... А ведь он поклялся, что не сделает этого никогда. Леди Камилла Прайс только что доставила ему массу хлопот и неудобств, и в то же время она могла вернуть ему веру, которую он утратил шесть лет назад. Веру в искупление.

Глава 2

– Кто это вон там, за столом, рядом с герцогом Уоллингом?

Леди Камилла Прайс нахмурилась, оторвавшись от утреннего плана размещения гостей.

– Люсиль, советую тебе заняться делом и заучить, где кто должен сидеть, а не напрашиваться на неприятности.

Миниатюрная брюнетка вспыхнула.

– Я только спросила, кто он такой.

– Лорд Патрик Элдер, – ответила Камилла. – У него уже есть жена и две любовницы. Сомневаюсь, что он ищет третью.

– Камми!

– Я нисколько не шучу. И вижу, что мистер Алвинг за столиком у окна хмурится. Ступай, улыбнись ему и спроси, чем мы можем его порадовать.

Люсиль прикусила губу.

– За каким, говоришь, он столиком?

«О боже!» – мысленно воскликнула Камилла. С трудом сдерживаясь, она протянула подруге план размещения гостей.

– Вскоре ожидается и лорд Блансфилд. Он один из основателей клуба, так что проводи его к одному из зарезервированных столиков. Только не возле двери, он очень чувстви-

телен к сквознякам.

– Но...

– Люсиль, от тебя в настоящий момент требуется только одно – улыбаться и помнить, что ты работаешь, а не пытаешься найти себе мужа или хоть кого-нибудь, кто накупит тебе украшений.

Получилось, пожалуй, чересчур резко и строго, но, проработав три утра вместе с Люсиль Хэмптон, Камилла начала подозревать, что этой девушке больше подходила должность, на которой ей не пришлось бы указывать джентльменам их столики. А еще лучше – если бы ей поручили только хлопать ресницами и хихикать.

Камилла подавила вздох. Еще год назад она боялась даже собственной тени – не говоря уж о чужих. Вспомнив, как леди Хейбери не только приютила ее, но и дала возможность обеспечивать себя, не задирая юбки, Камилла решила потерпеть Люсиль еще несколько дней, пока та не освоится со своими обязанностями в клубе «Тантал». Следовало дать девушке шанс. Порой крошечного шанса было достаточно, чтобы сотворить чудо.

– Мистер Алвинг, – сказала она, подходя к одному из столиков, – мне сообщили, что наш шеф-повар сегодня испек несколько восхитительных пирогов с персиками. Может быть, приберечь один для вас?

Дядя графа Массинга прищурился и пробурчал:

– Осведомленность здешних девиц о наших тайнах поис-

тине удивительна.

Камилла улыбнулась.

– Только о гастрономических тайнах, – сказала она и мысленно добавила: «А также о тайнах, связанных с проигрышами в азартные игры и политикой». Кроме того, она знала кое-какие постельные тайны, и ей также было известно, кто с кем приятельствует или враждует. Но вести подобные разговоры с членами клуба она не собиралась. – Пирог подадут вам к тому времени, как вы успеете доестъ яйца пашот.

Отправив заказ на кухню, Камилла несколько минут наблюдала, как Люсиль рассаживала за столами очередную компанию гостей. Ресницами она хлопала по-прежнему глуповато, но, видимо, эта ее привычка была неистребима. Судя по тому, что рассказывала Люсиль о своей жизни до клуба «Тантал», она жила с матерью, жаждавшей мужского внимания до такой степени, что даже к родной дочери относилась как к опасной сопернице.

Камилла снова вздохнула, обводя взглядом зал, где еще с десяток девушек разносили блюда, разливали напитки или же просто прохаживались между столиками, предлагая засидевшимся джентльменам перейти в еще более комфортабельный игорный зал по соседству.

Все эти девушки стали ее подругами, когда она уже думала, что потеряла последнюю надежду подружиться хоть с кем-нибудь. За прошлый год они превратились в ее приемную семью. Все они сбежали от прошлого по разным причи-

нам и нашли приют в самом неожиданном месте. Камилла мысленно еще раз возблагодарила Небеса за клуб «Тантал». И Небеса, и леди Хейбери. Возблагодарила за то, что позволила ей работать по утрам, когда гости были еще сравнительно трезвы и при виде ее придерживали язык, а не высказывали все, что приходило в голову.

И как раз в тот момент, когда она думала об этом, чьи-то пальцы ущипнули ее пониже спины, причем очень больно.

Камилла вскрикнула и резко обернулась. Сжав кулаки в мгновенном порыве гнева, она уставилась на весьма упитанного и круглого как шар мужчину, беззастенчиво разглядывавшего ее грудь.

– Прекратите сейчас же! – выпалила она.

Мужчина вскинул бровь.

– Не порть свою хорошенькую мордашку разговорами, – велел он. – Лучше посиди со мной, и я объясню, в чем твое очарование.

– Фарнесс, довольно. – К негодюю подошел другой мужчина – насколько помнила Камилла, это был Артур Смайт. Взяв друга за локоть, он строго сказал: – Здесь вам не публичный дом, Фарнесс.

Наглец не сводил с Камиллы масляных глаз.

– Вы же обещали, Смайт, что мы прекрасно проведем время в этом вашем клубе, – проворчал он. – Так не мешайте мне. – Он сделал шаг к Камилле. – Ты что же, та самая девочка, которая в прошлом году сбежала из-под венца и оста-

вила Фентона с носом? Я слышал, что ты здесь пристроилась. Плачу два шиллинга, если посидишь у меня на коленях, и три, если хорошенько поерзаешь.

Камилла высоко вскинула левую руку с растопыренными пальцами. Все девушки знали этот сигнал, которым она, увы, была вынуждена пользоваться чаще, чем кто-либо. Даже по утрам, в отсутствие толпы захмелевших гостей. «Вот они, беды огласки и погубленной репутации», – подумала она. К счастью, леди Хейбери взяла к себе в заведение не только девушек-помощниц, но и несколько здоровяков и силачей из числа бывших боксеров, которые пришлись в клубе очень кстати.

Краем глаза Камилла заметила приближение самого рослого из этих «спасателей», как они с девушками их прозвали. Только полный болван отважился бы протестовать, когда его выпроваживал за двери клуба мистер Джейкобс.

Снова повернувшись к негодю, Камилла вдруг увидела, как прямо перед ней промелькнул чей-то кулак, в следующее мгновение врезавшийся в физиономию Фарнесса. Толстяк вскрикнул и плюхнулся на пол, устланный синим ковром.

– Когда я был в Лондоне в прошлый раз, – произнес над ухом Камиллы незнакомый баритон, – мужчинам и в голову не приходило наносить женщинам такие оскорбления. Могли лишь предположить, что вы, сэр, либо ошиблись, либо не мужчина.

И в тот же миг со всех сторон послышались возгласы:

«Чертов Блэквуд!..» Примерно так же мужчины обычно восклицали, обсуждая исход самых немислимых пари.

Камилла отступила в сторону, а рослый темноволосый обладатель кулака наклонился и рывком поставил Фарнесса на ноги.

– Ну, что скажете? – спросил незнакомец. – Ошиблись вы или просто не мужчина?

Толстяк дрожащими пальцами ощупал разбитую губу.

– Боже милостивый... Вы же Блэквуд? Чертов Блэквуд!..

– Сам знаю. Извольте отвечать на мой вопрос.

– Ошибся, – пролепетал Фарнесс. – Я ошибся...

– В таком случае предлагаю вам извиниться, – продолжал Блэквуд тем же тоном, каким просил бы еще карту, играя в «двадцать одно».

– Я...

– Не передо мной. Перед дамой.

Фарнесс перевел взгляд на Камиллу.

– Приношу свои извинения.

– За... – подсказал ее спаситель.

– За... то, что оскорбил вас, миледи.

– Вот и славно. – Легким, но явно ощутимым толчком неизвестный отправил Фарнесса в объятия мистера Джейкобса. – Мне тоже уйти? – добавил он, наконец-то обратившись к Камилле. Его светло-карие глаза – под одним красовался поблекший, но еще заметный синяк – пристально смотрели на девушку.

Подавив внезапное желание пригласить волосы, Камилла покачала головой:

– Нет, сэ. Если поединков больше не будет, я не стану вменять вам в вину защиту моей чести, хотя это и было необязательно.

Губы Блэквуда дрогнули в улыбке.

– Благодарю вас. Полагаю, что защита чести леди не может считаться легкомысленным поступком.

Только теперь Камилла заметила, что небольшая толпа, образовавшаяся вокруг них, уже расступилась, а на освободившееся пространство вышла Диана – леди Хейбери.

– Я не потерплю в моем клубе кулачных боев, – заявила хозяйка заведения, не обращая внимания на мистера Фарнесса, которого как раз в этот момент выводили за дверь. – Чей вы гость, сэ? – спросила она, внимательно глядя на незнакомца.

– Мой. – Герцог Гривз вышел из толпы, держась так невозможно, словно разговор шел о погоде.

– Леди Хейбери, позвольте представить вам Китинга Блэквуда. Китинг, познакомьтесь с владелицей этого заведения, леди Хейбери.

Боже мой! Камилла невольно попятилась. Она ведь просто хотела уберечь себя от пальцев неприятного ей человека. Но теперь здесь и Диана, и герцоги – и всплыл вопрос о том, кому принадлежит клуб... Лучше бы она просто смирилась с оскорблением. Ведь в конце концов, из всех здешних деву-

шек она в наибольшей степени пала в глазах общества. За ее спиной – и даже ей в лицо! – говорили ужасные вещи, стоило ей выйти за двери клуба, и даже в стенах этого святилища следовало время от времени ожидать подобной грубости.

Диана перевела взгляд на нее.

– Что-нибудь еще, Камилла?

Она покачала головой:

– Нет-нет. Мне кажется, и без того достаточно шума, миледи.

«Даже более чем достаточно», – подумала она со вздохом.

Диана кивнула и повернулась к Китингу Блэквуду.

– Если его светлость готов поручиться за вас, мистер Блэквуд, тогда я позволю вам остаться. В данном случае вы явно действовали из благородных побуждений. Хорошего вам дня, сэр. Надеюсь, пребывание в клубе «Тантал» окажется для вас приятным.

Китинг Блэквуд учтиво склонил голову.

– Благодарю вас, миледи.

Чувствуя настоятельную потребность выпить глоток чего-нибудь горячительного, Камилла извинилась и вернулась на свой пост возле входной двери обеденного зала. А ведь ей уже казалось, что к подобным оскорблениям она привыкла. Более того, думая о своем «падении», она считала, что совершила самый разумный поступок в своей жизни. На протяжении последнего года клуб «Тантал» почти всегда служил ей надежной гаванью. И даже редкие вторжения... действи-

тельности, как она привыкла это называть, были все равно намного лучше той жизни, с которой она сталкивалась на улицах Мейфэра. В конце концов про нее забудут, особенно в том случае, если произойдет еще какой-нибудь громкий скандал, – на это она надеялась весь последний год.

Люсиль, стоявшая с ней рядом, восторженно ахнула и вполголоса защебетала:

– О боже, я понятия не имела, что мужчины здесь борются за нас. Восхитительно!..

Камилла нахмурилась.

– Лично я не назвала бы случившееся восхитительным, – возразила она. – Терпеть не могу драки. Но... в сущности, другого выхода, кроме как служить в клубе, у меня нет.

– А разве ты не могла найти место гувернантки? Скажем, где-нибудь в провинции... – продолжала Люсиль. Она внезапно умолкла, чтобы похлопать ресницами проходившему по залу лорду Хейбери.

– Да, ведь в провинции не жизнь, а волшебная сказка. Люди там не читают газет, не получают писем от знакомых и родных из Лондона и... Да что там – они вообще не умеют ни читать, ни писать! – Камилла снова нахмурилась. – Как же я, глупая, раньше до такого не додумалась?

– О-о... я просто совсем забыла... про все такое, – пробормотала Люсиль. – И язвить вовсе незачем.

Да, верно, незачем. Хотя Люсиль и глуповата, случившееся не ее вина. Тихо вздохнув, Камилла положила ладонь ей

на плечо и проговорила:

– Тебе ни к чему думать о моих трудностях. – Она оглядела зал и с облегчением обнаружила, что все уже вернулись на свои места. – Ну а теперь подойди к столику лорда Уильяма Атертона и упомяни – будто невзначай, – что Мэри Стэнфорд как раз сейчас играет в «двадцать одно».

– А что это означает?

– Дело в том, что лорд Уильям Атертон находит Мэри чрезвычайно милой, а мне срочно нужен его столик для трех джентльменов, ждущих в холле.

– О, прекрасно. А я и не знала, что ты помнишь столько всякой всячины! – воскликнула Люсиль и, кокетливо улыбаясь, направилась к столику в дальнем углу зала.

Камилла снова оглядела зал, и на ее лице отразилось легкое беспокойство. Не сводя с нее глаз, Китинг Блэквуд направлялся к ней, даже не пытаясь сделать вид, что его интересовало что-то другое, а не Камилла.

– Еще раз благодарю вас, сэр, – сказала она, когда он остановился прямо перед ней. Словами благодарности она надеялась предотвратить возможные просьбы, в том числе просьбу поцеловать его за подвиг. – Как вам понравился завтрак?

– Шедевр, – отозвался Блэквуд, опершись локтем о пюпитр, на котором девушки, принимавшие гостей в зале, хранили свои планы расположения столиков, списки имен, меню и записи о предпочтениях некоторых членов клуба. – А вы – леди Камилла Прайс?

Невольно вздрогнув, Камилла принялась перебирать лежавшие перед ней бумаги.

– Это ни для кого не секрет, сэръ. Итак, что вам угодно? Может, бутылку вина? У нас есть прекрасное бур...

– Меня зовут Китинг Блэквуд.

– Да, я слышала. – Взглянув на собеседника, Камилла заметила вопросительное выражение на его худом лице. – И у вас под глазом синяк... – пробормотала она.

– Уже почти прошел. – Он коснулся пальцем своей левой щеки. – Вы меня не знаете, и я...

– Теперь уже знаю. Вы Китинг Блэквуд. Уверяю вас, имена я запоминаю не на одну секунду.

Блэквуд едва заметно улыбнулся, и Камилла вдруг подумала, что у него очень красивые губы. Однако он был далеко не первый обладатель красивых губ, решивший, что она, как падшая женщина, наверняка нуждается в любовнике или покровителе.

Тут Блэквуд снова улыбнулся и тихо произнес:

– А Стивен Поллард – мой кузен.

Пол под ногами Камиллы, казалось, превратился в пудинг, и она внезапно пошатнулась. Судорожно вцепившись в поупитр, она заставила себя сделать глубокий вдох. Леди Хейбери до сих пор мастерски пресекала все попытки лорда Фентона попасть в клуб «Тантал». И самым худшим, чего могла ожидать Камилла, оставаясь в его стенах, были оскорбления (да иногда кто-нибудь, как, например, Фарнесс

сегодня, отваживался ущипнуть ее). Но, увы, теперь беда просочилась сквозь стены ее убежища...

– Но я... – Девушка в растерянности умолкла.

– Я сообщаю вам об этом только для того, чтобы вас не застигли врасплох позднее, если кто-нибудь еще упомянет о нашем родстве, – продолжал Блэквуд. – Я стараюсь действовать честно.

Судорожно сглотнув, Камилла пробормотала:

– Да, сэр, я... я оценила вашу прямоту. – Ей потребовались все силы, чтобы сохранить самообладание и не убежать. – Но поскольку вы гость члена клуба, а я всего лишь играю роль хозяйки за завтраком... Сэр, едва ли я вправе требовать от вас подробного отчета...

– Это намек на то, что мне незачем было представляться, так как мы с вами больше никогда не встретимся?

– Мм... да, полагаю, что так, – кивнула Камилла.

Блэквуд опять улыбнулся.

– Мой кузен – напыщенный болван, миледи. При этом он, насколько мне известно, никогда и мухи не обидел. По крайней мере намеренно. Вот мне и стало любопытно... Неужели он чем-то обидел вас или оскорбил? Может, именно поэтому вы не хотите за него замуж?

Камилла никак не ожидала такого вопроса. Пытаясь выиграть время, она отвела глаза и улыбнулась лорду Траску, в этот момент входившему в зал вместе с двумя сыновьями.

– Если не собираетесь отвечать мне, так и скажите, – по-

торопил ее Блэквуд. – А меня за столом ждет блюдо с ветчиной и сыром. Не говоря уже о раздосадованном герцоге...

– В таком случае возвращайтесь за свой стол. – Камилла взяла с пюпитра план размещения гостей и поспешила навстречу очередным прибывшим.

– Вы когда-нибудь выходите погулять? – донесся из-за ее спины голос Блэквуда.

О боже! Теперь он ходит за ней по пятам!

– Нет, сэр.

– Напрасно. В котором часу вы освобождаетесь от своих обязанностей?

– Я? В... Позвольте, по-моему, это вас не касается, мистер Блэквуд. А теперь... будьте добры, прекратите отвлекать меня, иначе я буду вынуждена принять меры, чтобы вас отсюда вывели.

– Я не хотел вас обидеть, миледи. – Он понизил голос. – В Лондоне я не бывал шесть лет, и, как я уже сказал, вы меня заинтриговали. Мало кто способен противостоять Фентону. Поэтому я не прочь узнать, какие у вас на то имелись причины.

«А вот моим родителям даже в голову не пришло спросить об этом», – со вздохом подумала Камилла.

– Я освобожусь после часу дня, – выпалила она на одном дыхании, – чтобы не передумать. – Но я почти никогда не покидаю территорию клуба. Вы найдете меня за домом, в розарии.

Блэквуд коротко поклонился.

– Непременно найду, миледи.

Сделав вид, что занята опоздавшими на завтрак гостями, Камилла поспешила покинуть Блэквуда, и в то же мгновение исчезло то ощущение тепла, которое возникало у нее во время беседы с этим человеком. Она никак не ожидала увидеть в клубе кузена лорда Фентона, которого бросила годом ранее. И, конечно же, не думала, что этот кузен будет столь любезен с ней. Еще ни разу ее не спрашивали, почему она сбежала от жениха, – вместо этого все пытались выяснить, в своем ли она уме. А между тем рассудок Камилла не теряла – ни тогда, ни теперь.

И если родственник Фентона пожелал выслушать объяснение ее поступка, то она была готова дать его – лишь бы он понял, что от этого разговора ничего не изменится, и не считал, что она несет ответственность перед Стивенем Поллардом за то, что отвергла его.

Камилла принужденно улыбнулась в ответ на приветствие какого-то юного лорда. Да, она прекрасно понимала, что погубила свою прежнюю жизнь, но похоже, никто не понимал, что именно не устраивало ее в той жизни. Но она вовсе не собиралась усугублять свое положение. Нет-нет, ни в коем случае.

Глава 3

Хруст яблока отвлек Китинга от изучения вида за окном Басвич-Хауса.

– Я рассчитывал, что за шесть лет моего отсутствия хоть что-нибудь изменилось, – заметил он, провожая взглядом проезжавшую по мостовой великолепную карету с гербом герцога Монмута.

– Не далее как сегодня утром вы видели одно из новшеств. И, кстати, чуть не затеяли в клубе драку. – Герцог Гривз прислонился к дверному косяку и снова хрустнул яблоком. – Я заинтригован, – признался он.

– Причиной, по которой я остановился не в Поллард-Хаусе у Фентона? – предположил Китинг.

– Если вы и впредь намерены заранее догадываться обо всем, что я собираюсь сказать, то так неинтересно, – с усмешкой проговорил Гривз. – Что ж, отвечайте на собственный вопрос.

– Стивен по-прежнему делает вид, будто мы с ним не родственники, и это, в сущности, меня вполне устраивает. А если хотите, чтобы я покинул ваш дом... Тогда я найду жилье еще где-нибудь.

– Этого я не говорил. – Гривз перешел от одного дверного косяка к другому, чтобы тоже видеть, что происходит за окном. – Многие стараются окружать себя порядочными

людьми в надежде на то, что это благотворно отразится на их собственной репутации. Я же, напротив, предпочитаю повес и негодяев – с ними-то хоть есть о чем поговорить. К тому же сам я лучше выгляжу на их фоне.

Китинг рассмеялся.

– В таком случае предупреждаю: во время своего пребывания в Лондоне я намерен вести себя прилично. Решил начать с чистого листа, если можно так выразиться.

Китинг хоть и знал, что Гривзу можно доверять, но все-таки скрывал истинную причину своего возвращения в Лондон.

Герцог взглянул на него с некоторым сомнением, и в том не было ничего удивительного – Китинг и сам сомневался в том, что сумеет держать себя в руках. Так что даже хорошо, что он не собирался надолго задерживаться в Лондоне. А потом, если ему удастся избежать неприятностей... Тогда он, возможно, снова сюда наведается... Но об этом он подумает в свое время. Не следовало опережать события.

Вытащив свои старые, исцарапанные карманные часы, Китинг щелчком открыл их и, поднявшись на ноги, проговорил:

– По крайней мере, вы воздержались от уничижительных замечаний, Адам. А что касается сомнений, то имеются они и у меня самого. Но сейчас мне пора на важную встречу.

– Как и мне, – заметил Гривз. – Кстати, Китинг... Если бы вы не питали никаких сомнений насчет склонностей своего

характера, то не прятались бы, подобно отшельнику, последние шесть лет. Просто постарайтесь не забывать: ваши былые проступки все еще вызывают гораздо более живой интерес, чем ваша нынешняя благопристойность.

– Благодарю за предупреждение, – кивнул Китинг. – Я слышал, обо мне даже сложили стихи... – Он вздохнул и направился в коридор. Обходя Гривза, стоявшего в дверях, добавил: – Посмотрим, сумею ли я обмануть всеобщие ожидания.

– В вашу защиту скажу следующее... – Герцог вышел из комнаты следом за ним. – Знаете, стихи-то скверные. К тому же написаны шесть лет назад. Мне доподлинно известно, что с тех пор появилось множество других поэм. И некоторые из них написаны так же дурно, как и посвященная вам.

Китинг неопределенно хмыкнул. Если герцог намекнул, что он и его выходки отчасти уже забыты, – что ж, тем лучше. Но его не покидало ощущение, что имелась заметная разница между забавой, которую на время забыли, так как появилась новая, и забавой, забытой насовсем. А стихи и впрямь оставляли желать много лучшего.

Жеребец темно-серой масти – заводчик-оптимист дал ему кличку Король Уильям Господин Лошадей, а сам Китинг переименовал его в Увальня – ждал хозяина на подъездной дорожке у Басвич-Хауса. Вскочив в седло, Китинг направил коня в сторону Гроувнер-стрит. Несмотря на небольшой инцидент, его утренний визит в клуб «Тантал» прошел луч-

ше, чем он рассчитывал. Разговор с леди Камиллой Прайс в общем-то удался, а реакция аристократов, завсегдаев клуба, на его появление в Лондоне была вполне терпимой. Возможно, скандальная репутация клуба сделала его походе-ния менее... достойными внимания. И все же, несмотря на довольно миролюбивый прием в клубе, у Китинга возникло отчетливое ощущение, что Лондон утратит свое гостеприимство, как только весть о его приезде разнесется по всему городу. Хотя...

А что, если о нем и впрямь забыли? Посплетничали, по-возмущались, а едва разразился очередной скандал, забросили как старую игрушку в дальний угол. Китинг невольно улыбнулся. Такому повороту он был бы очень рад. Но едва ли стоило рассчитывать на это.

Еще за завтраком Китинг отметил, что в клубе «Тантал» весьма многолюдно, особенно для перерыва между сессиями парламента. А сейчас вереница экипажей, подъезжавшая к зданию, стала вдвое длиннее по сравнению с той, что Китинг видел ранее. Бросив несколько слов сквозь зубы, он оставил Увальня с одним из мальчишек-конюхов и, вместо того чтобы подняться по ступеням парадного входа, двинулся в обход особняка. Лицемеры проклятые! Разглагольствуют о благородстве истинной аристократии, а сами, являясь на завтрак, бесстыдно глазеют на девушек, служивших в клубе.

Хм... интересно, многие ли из их числа держали свое обещание, повторяя как заклинание слова, которые он слышал

не меньше десятка раз с тех пор, как узнал о существовании клуба «Тантал»? «Только без рук, во всяком случае – без позволения дамы». По-видимому, это правило придавало всему происходящему хоть и скандальный, но все же приемлемый оттенок.

Камилла Прайс сидела на узкой каменной скамье в тени старого дуба, окруженного клумбами ухоженных розовых кустов. Едва шагнув на мощенную булыжником дорожку, ведущую к розарию, Китинг отметил, что скамья была поставлена с таким расчетом, что дерево надежно закрывало сидящих на ней от взглядов из окон клуба, – интересно, случайно ли ее так поставили? Камилла переоделась, и теперь вместо гладкого шелкового платья оттенка бронзы на ней был простенький муслин с рисунком из голубоватых и зеленых веточек, и платье это выглядело до нелепости скромно.

«Значит, это и есть та девица, на которой Стивен должен был жениться год назад, – подумал Китинг с некоторым удивлением. – Скромная молодая леди двадцати двух лет от роду, сидящая в ухоженном саду и читающая книгу...» Да-да, очень даже скромная. К тому же благовоспитанная и апатичная. Таков оказался портрет девушки, с которой маркиз Фентон был обручен с тех пор, как ему исполнилось семь лет.

Китинг помнил, как его кузен узнал об этом соглашении. И помнил его притворные стоны и якобы рвотные позывы – все это выглядело настолько забавно, что он, Китинг, при-

нялся подражать кузену. В шесть лет он полагал, что ценность женщин сильно преувеличивают.

В пятнистой тени под деревом ее волосы выглядели более яркими, но назвать их желтыми было бы чересчур: пожалуй, они имели оттенок пахты или молочной сыворотки. Удивительный цвет! Особенно в сочетании с глазами – нежно-голубыми, как утреннее небо.

Итак, ему было поручено вернуть эту девушку в круги высшего света и в объятия кузена, поэтому он несколько долгих минут, стоя перед зеркалом в гардеробной Хэверд-Глена, думал, что непременно будет вести себя как подобает, заработает свои сребреники и преспокойно вернется домой. Но при всем при этом он все-таки мужчина, а она красавица, и потому...

Китинг строго одернул себя. В лирику он не ударялся даже в ранней юности, когда еще мог считаться наивным. Да, конечно, девушка очень мила, но обручена с маркизом Фентоном. К тому же она средство, с помощью которого Китинг получит десять тысяч фунтов. С такими деньгами он наконец сможет кое-что исправить. Именно по этой причине он и вернулся в Лондон. Да, только по этой.

Нарочито громко откашлявшись – не следовало пугать девушку своим неожиданным появлением, – Китинг приблизился к ней и проговорил:

– Миледи, вы как будто позируете для портрета.

Леди Камилла подняла голову. Судя по ее спокойному ли-

цу, она давно уже его заметила.

– Сэр, а как же еще мне сидеть, когда я читаю? Может, закинуть руку за голову и поставить носки вместе, а пятки врозь?

Китинг невольно улыбнулся. Видимо, эта девица лишь казалась робкой и скромной.

– Я просто хотел сделать вам комплимент. Может, попытаться еще раз? – снова улыбнувшись, спросил Китинг.

Она окинула его оценивающим взглядом.

– А вы, сэр, не похожи на своего кузена. Если бы вы не уведомили меня о своем с ним родстве, я бы ни за что не догадалась.

– Положа руку на сердце... – Китинг подошел к девушке поближе и, взяв книгу с ее коленей, прочел заглавие. – Знаете, я слышал, что как следует разглядеть моего кузена вы не успели. Хм... «Гордость и предубеждение»... – Значит, она романтична по натуре, что очень даже неплохо. Хотя он пока что не представлял, как это обстоятельство поможет ему вернуть ее холодному как рыба Фентону.

На щеках девушки проступил румянец.

– Я согласилась поговорить с вами только потому, что вы задали мне вопрос, которого раньше никто не задавал. Но если вам захотелось надо мной поиздеваться, мистер Блэквуд, то знайте: не вам первому это захотелось. Вместе с тем вы не принадлежите к числу людей, мнение которых хоть что-нибудь значит для меня. Видимо, я ошиблась, думая, что могла

бы... поговорить с вами откровенно. – Камилла выхватила у него из рук свою книгу, затем поднялась и решительно направилась к особняку.

Проклятье! Увидев, как от него уходят десять тысяч фунтов, Китинг бросился следом за девушкой. Очевидно, следовало найти к ней иной подход, причем как можно скорее.

– Миледи, я не... – Китинг взял девушку за плечо.

Резко развернувшись, Камилла ударила его книгой по щеке.

– Оставьте меня в покое! – выпалила она и зашагала еще быстрее.

Если бы раньше Китинга никогда не били, то этот отпор скорее всего остановил бы его, но ведь он до сих пор носил под глазом остатки великолепного синяка, заработанного в столкновении с боксером-великаном по прозвищу Задира Том... Так что Китинг просто обогнал Камиллу и, преградив ей дорогу, сказал:

– Замечательно. – Мысленно же, ощутив во рту привкус крови из разбитой губы, выругался. – Так какой же вопрос я вам задал?..

– Я... Вы... Прочь с дороги!

– Отвечайте на мой вопрос, леди Камилла.

Мисс Прайс сделала глубокий вдох. И если бы не твердое решение Китинга вести себя прилично, то он непременно обратил бы внимание на прекрасную форму ее груди. Однако он не сводил глаз с ее лица и приготовился мгновенно

уклониться в случае очередного взмаха книгой.

– Вы спрашивали, что такого сделал Фентон, если заставил меня сбежать, – прищурившись, ответила девушка. – Но вы не спросили, как меня угораздило бросить богатого и титулованного джентльмена прямо в церкви. Это оказалось для меня... в новинку, но вы все испортили, и я теперь не желаю разговаривать с вами. Не приходите больше в клуб «Тантал».

– Хотите сказать, я разбередил давнюю рану? Что ж, если так, приношу свои извинения. – Китинг осторожно коснулся пострадавшей щеки и с усмешкой заметил: – А вы дали мне достойный отпор... Что, может быть, признаем ничью и начнем заново?

– Мы не проговорили и пяти минут, но за это время вы уже второй раз просите дать вам еще один шанс. И как долго я должна проявлять великодушие? – Камилла скрестила на груди руки и, вскинув подбородок, пристально посмотрела на собеседника.

Ошеломленный ее словами, Китинг замер на мгновение. Беседуя с этой девушкой, он уже не в первый раз испытывал странное ощущение, будто вел разговор сам с собой. «Еще один шанс...» Сколько их позволено иметь человеку? Но каким бы ни было это число, наверняка он уже давно превысил его. Значит, пора научиться поступать так, как надо, с первого раза.

– Этот шанс – последний, – ответил он, тут же осознав, что сказал чистейшую правду, потому что поручение, которое

дал ему Фентон, – вовсе не второй его шанс, а последний.

Несколько томительных секунд девушка молча смотрела на него, а он, слушая гулкий стук собственного сердца, отдававшийся в ушах, в отчаянии спрашивал себя: «А как мне быть, если она все-таки уйдет в клуб?»

– У меня к вам вопрос, – произнесла, наконец, Камилла.

Китинг ужасно не любил допросы, но вполне мог дать один-два ответа, черт бы их побрал. И ведь Камилла Прайс не какая-нибудь девчонка, которую он решил обольстить. В данный момент он от нее зависел.

– Под таким пристальным взглядом мне долго не выдержать, – пробормотал Китинг, подкрепляя свои слова попыткой улыбнуться. – Но извольте, спрашивайте.

– Сэр, неужели вы рассчитывали, что я поверю вам, когда вы говорите, что якобы тоже недолюбливаете своего кузена? Вы даете мне понять, что увидели во мне родственную душу, а на самом деле просто хотите оскорбить меня или же скомпрометировать. Зачем вам это?

– Я лишь понаслышке знаю, что произошло между вами и Фентоном, – ответил Китинг, радуясь возможности сказать правду. – И если честно, то я недолюбливаю Лондон. Когда же Гривз сообщил мне, кто вы такая, я подумал... Даже не знаю, что я подумал...

– Друзей порой так трудно найти... И еще труднее довериться им, – неожиданно пробормотала Камилла.

При виде грусти, отразившейся в ее небесно-голубых гла-

зах, Китинг невольно вздохнул. Если бы он собирался чем-то обидеть ее или ввести в заблуждение, то передумал бы сию же минуту. Но ведь Фентон предложил второй шанс не только ему, но и Камилле. Шанс снова оказаться в кругу родных и друзей, а не довольствоваться предложениями дружбы от обладателей сомнительной репутации – таких, как он сам.

– Я не джентльмен, миледи, и у вас нет никаких причин доверять мне, – проговорил Китинг. – Но я был бы рад, если бы вы считали меня другом.

Девушка бросила взгляд на книгу в своей руке.

– Я слышала, как сегодня утром все перешептывались, повторяя ваше имя. Но из-за вопроса, который вы задали мне, я решила ни о чем никого не расспрашивать, пока не поговорю с вами сама. Так кто же вы, мистер Блэквуд?

Она спросила об этом так, словно ожидала услышать простой ответ. Китинг перевел взгляд на высокие окна клуба «Тантал». В сущности, ответ действительно был очень прост. Вот только отвечать ему ужасно не хотелось. Однако же...

Снова вздохнув, он проговорил:

– Я Китинг Блэквуд, внук покойного маркиза Фентона. Обо мне перешептывались потому, что шесть лет назад я обольстил одну женщину, а потом убил ее мужа. Приятно познакомиться, миледи.

Камилла в растерянности заморгала. Сразу обратив внимание на внешность собеседника – черные как уголь волосы,

карие глаза, которые при свете солнца казались почти янтарными, высокие скулы и длинные ресницы, – она тогда предположила, что завсегдатаев клуба взбудоражили слухи о каком-то скандале с участием женщины (если это не была чистейшая зависть к Адонису, чудом оказавшемуся среди них). Но убийство... Такого она никак не ожидала.

И тут Камилле вдруг вспомнился один давний эпизод... Когда ей было шестнадцать, отец как-то раз вернулся домой поздно вечером из какого-то клуба и с явным беспокойством в голосе сообщил, что «на этот раз Блэквуд не сдержался и теперь-то его наверняка повесят». И еще вспомнилась стихотворная подпись к карикатуре «Крукшанка».

– «Чертов Блэквуд жену обольстил, а потом ее мужа убил», – пробормотала Камилла себе под нос и ужаснулась, увидев, что глаза собеседника внезапно стали ледяными.

– Вы всегда говорите людям в глаза об их провинностях? – негромко произнес Китинг и со вздохом добавил: – По-видимому, нам обоим недостает деликатности.

Камилла судорожно сглотнула.

– Да, полагаю, так и есть.

Теперь ей стало понятно, почему безумный поступок какого-то Блэквуда так встревожил тогда ее отца. Ведь как-никак его старшая дочь давным-давно была обещана в жены кузену этого негодяя. Неудивительно, что Блэквуд никогда не ассоциировался у нее с Фентоном, – тот делал все возможное, чтобы этот скандал не запятнал его репутацию.

– Как видите, – продолжил Блэквуд подозрительно ровным тоном, – ваш побег из церкви и даже ваша служба в клубе «Тантал» ничто по сравнению с тем, что натворил я. У вас не пропало желание беседовать со мной? Ведь я, как выяснилось, отпетый мерзавец.

До ее почти состоявшегося замужества ответить на такой вопрос было бы очень просто. Ответ выразился бы в том, что она убежала бы к себе в спальню и заперла дверь на засов. И, возможно, на всякий случай спряталась бы под кровать. Разумеется, все это происходило бы в доме ее родителей, где у нее была собственная спальня. Но даже здесь, в клубе, она по привычке продолжала прятаться. И внезапно осознание этого факта встревожило ее.

Масштабы скандалов, главными действующими лицами которых стала она сама и ее собеседник, невозможно было даже сопоставить: она всего лишь сбежала из-под венца, а Блэквуд убил человека. Однако он все-таки ответил на ее вопрос. И теперь она понимала, почему он заинтересовался ее точкой зрения. Интересно, сколько друзей он потерял? И надеялся ли, что о нем просто забудут, оставят в покое?

– Тот человек, которого вы убили... Это было убийство или честный поединок? – спросила Камилла.

Блэквуд пристально взглянул на нее, немного помедлив, ответил:

– Он ворвался в мой дом, угрожая мне пистолетом, но, несомненно, к этому его побудили мои поступки.

– Вы сожалеете об этом?

– А вы решили исповедовать меня?

Камилла склонила голову к плечу и пробормотала:

– Пожалуй, у нас с вами есть нечто общее. Но вы, сэр, не ответили на мой вопрос.

Снова помедлив, он едва заметно кивнул.

– Да, сожалею. Я раскаиваюсь во всех своих поступках, имевших отношение к лорду и леди Балтроу.

Возможно, искренности в его словах не было и в помине, но Камилле почему-то казалось, что он сказал правду. Более того, она вдруг подумала о том, что, пожалуй, могла бы кое-чему у него поучиться. Возможно, он мог бы объяснить ей, как правильно держаться, появляясь в Лондоне, в кругу людей, знавших о ее «проступке»...

– Меня ждет обед в столовой для служащих клуба, – нерешительно проговорила девушка. – Не хотите ли составить мне компанию?

Блэквуд взглянул на нее с некоторым удивлением и тут же кивнул:

– Да, конечно. Не откажусь. И могу заметить, что обычно я не такое уж чудовище. В сущности, я даже весьма забавен.

– Позвольте мне самой судить об этом.

– В таком случае я приберегу для вас самую забавную из моих шуток, – отозвался Китинг.

Когда он следовал за ней через вход для слуг, а затем вверх по лестнице на третий этаж, Камилла невольно чувствовала-

ла себя доверчивой ланью, ведущей в свое убежище черную пантеру. Некоторые девушки из клуба приводили джентльменов наверх или же в свою постель, но сама Камилла впервые пригласила постороннего в верхние комнаты, которые считала своим святилищем.

Отворив дверь, она вошла в просторную общую комнату, где уже накрыли к обеду шесть длинных столов. Здесь сидели пятнадцать товарок Камиллы, присутствовали также охранники – мистер Джейкобс и мистер Смит. И все они разом повернули головы в сторону прибывших. Камилла ужасно смутилась и тотчас подумала, что совершила ошибку, пригласив сюда гостя. Ведь многие в клубе и так смотрели на нее с неодобрением после утреннего происшествия. Знакомство с Чертовым Блэквудом наверняка сочтут серьезным ее недостатком.

Но что же теперь делать? Выставить отсюда Блэквуда? Нет, конечно! «Это всего лишь обед», – напомнила себе Камилла. Разумеется, ей хватит духу продержаться какой-нибудь час. Она заняла место за одним из столов, а мистер Блэквуд без колебаний уселся на скамью напротив нее.

– Я ожидал увидеть здесь не совсем то, что увидел, – заметил он, взяв с блюда два сэндвича с огурцом и положив себе на тарелку.

– Чего же вы ожидали? – спросила Камилла.

– Если в общих чертах, то ожидал увидеть пламенно-красные драпировки на стенах и более чем скудные одежды.

Щеки Камиллы вспыхнули.

– То есть публичный дом. Что, разочарованы?

Гость мило улыбнулся.

– Нет, удивлен. А я люблю удивляться. Такое нечасто случается.

– Ведь это вы приходили сюда сегодня утром, да? – слышался женский голос.

На скамью рядом с Китингом уселась хорошенькая брюнетка, от которой, казалось, исходил аромат соблазна. Но каким бы заманчивым ни был этот аромат, Китинга гораздо больше привлекала осторожная и сдержанная девушка, сидевшая напротив.

– Да, я. Меня зовут Китинг Блэквуд. А вы...

Девушка захлопала ресницами, окаймлявшими ее удивительно яркие голубые глаза.

– А я мисс Хэмптон. Люсиль. – Взяв с тарелки клубничку, она нарочито медленно и томно отправила ее в рот. – Вы повели себя чрезвычайно галантно, мистер Блэквуд.

– Но я ведь ударил человека...

– Да, верно. Но вы сделали это, защищая честь дамы, то есть поступили как истинный джентльмен!

Китинг бросил взгляд на Камиллу. А та, глядя в свою тарелку с гороховым супом, выглядела отчаявшейся и смирившейся со всеми бедами, обрушившимися на нее. «Черт бы побрал идиота Фентона!» – мысленно воскликнул Китинг. Снова повернувшись к девушке, сидевшей с ней рядом, он с

улыбкой проговорил:

– Итак, мисс Хэмптон, дабы отрекомендоваться вам, могу напомнить о разбитой губе того толстяка. – Он понизил голос. – И если этого достаточно, почему бы нам не найти уединенную комнату, где вы сможете показать, насколько велико ваше восхищение моим подвигом?

Голубые глаза брюнетки широко распахнулись, после чего она снова захлопала ресницами.

– Ведь я как-никак герой, – продолжил Китинг. – И знаете, я вообще-то защищаю честь юных леди регулярно, дважды в день. А по воскресеньям трижды. Но сегодня утром у меня ужасно заболелась голова, а тот болван раздражал меня своей дурацкой болтовней. Кроме того, мне просто нравится дубасить всех, у кого нет ни возможности, ни готовности защищаться. – Придвинувшись к девушке поближе, Китинг добавил: – А вам не помешало бы прежде выяснить, с кем флиртуете, мисс Хэмптон. А вдруг я убийца? Откуда вам знать?

Нежное личико брюнетки побледнело.

– Вы шутите, мистер Блэквуд, вне всякого сомнения...

– Вообще-то нет, не шутит, – донесся вдруг от двери низкий, протяжный голос.

Китинг насторожился. Обычно он никогда не садился спиной к двери, но сейчас... Медленно повернув голову, он проговорил:

– Приветствую вас, Хейбери.

– Мисс Хэмптон, Камми, вы не оставите нас? – сказал маркиз. – Всего на минутку. – Он обошел вокруг стола и, взглянув на Камиллу, добавил: – Мне надо переброситься парой слов с давним приятелем.

– Да, разумеется. – Камилла поднялась.

Китинг же не сводил глаз с маркиза, севшего на освободившееся место.

– И часто вы навещаетесь в дамские комнаты этого клуба? – спросил Китинг, снова принимаясь за еду. – А ваша жена об этом знает?

Хейбери же взглянул на него в упор и тихо проговорил:

– А разве нам не полагается обмениваться сначала приветствиями, а уж потом – колкостями?

– Да, вы правы, – кивнул Китинг, прекрасно знавший, что репутация маркиза тоже была изрядно подпорчена. – Что ж, Хейбери, поздравляю. Ведь вы обрели одновременно и жену, и этот замечательный клуб.

Маркиз кивнул:

– Да, верно. Заполучить что-нибудь одно мне бы не удалось.

– Что же именно было вашей целью? – осведомился Китинг, уже решив, что постарается поднять шум, если маркиз попросит его уйти. Или прикажет убираться вон.

– Жена, – незамедлительно ответил Хейбери. – И я рад составить ее счастье. Кстати, о счастье... Как думаете, что порадует ее больше – ваше присутствие в помещениях клуба,

не предназначенных для гостей, или же ваше приземление на собственную задницу за дверью?

– Мне известно, что больше порадует меня, – ответил Китинг. Он тут же напомнил себе, что должен вести себя пристойно. – Поверьте, Оливер, я вовсе не собираюсь нарываться на неприятности, это не входит в мои намерения. Я пришел сюда только для того, чтобы пообедать и побеседовать с одной очаровательной особой.

– Ох, не верится, что вы способны вести себя прилично... – пробормотал маркиз.

«Кто бы говорил», – чуть не выпалил Китинг, но вовремя прикусил язык и, пожав плечами, проговорил:

– Люди ведь меняются, не так ли?

– Может, и так, – кивнул маркиз. – Но имейте в виду: я-то ничего не забыл. Кроме того, мне известно, что вы остановились у герцога Гривза, что, на мой взгляд, также не предвещает ничего хорошего. Поскольку моя Диана ощущает настоятельную потребность защищать дам, которые служат у нее в клубе, я не стану сидеть сложа руки и смотреть, как вы обманом втираетесь в доверие к Камилле.

– Она знает, кто я.

– Все знают, что вы Чертов Блэквуд.

Китинг снова пожал плечами. Только приобретенная за шесть лет привычка помогла ему спокойно принять оскорбительное прозвище.

– Она знает и то, что я кузен Фентона. Я сам ей об этом

сказал. – Китинг придвинулся ближе к столу и тут же отметил, что Хейбери в ответ отодвинулся на такое же расстояние – не из страха, конечно же, а из предосторожности. Очевидно, маркиз не забыл о его способности затевать драки.

– Кстати, с каких это пор вы в разладе с Адамом? – спросил Китинг. – Ведь вы же раньше были большими друзьями...

– Вопросы здесь задаю я, а не вы. И поскольку вы явно вознамерились сблизиться с Камиллой, я хотел бы знать зачем.

Китинг криво усмехнулся.

– Давно ли вы стали ревнителем благопристойности, Оливер? Я ведь уже объяснил: она хороша собой и недолюбливает Фентона. – «И, подобно мне, совершила ужасную ошибку», – добавил мысленно. – Знаете, мне захотелось побеседовать с ней о моем кузене.

– И вы поговорили по душам?

– Да, мы поговорили по душам, и она пригласила меня зайти. Между прочим, леди Камилла отвесила мне изрядную оплеуху книгой. Надеюсь, после этого сообщения вы разрешите мне остаться.

Едва заметно усмехнувшись, маркиз утвердительно кивнул.

– Ладно, хорошо. Камилла!.. – бросил он через плечо. – Прошу вас, продолжайте обедать. Приятного аппетита. А если мистер Блэквуд вздумает досаждать вам, будьте добры,

известите меня.

Камилла сделала книксен.

– Да, милорд, разумеется.

Как только Хейбери вышел за дверь, в столовой снова зазвучали голоса. Видимо, далеко не все в клубе «Тантал» были настолько же не осведомлены о прошлом Китинга, как леди Камилла. Он терпеть не мог, когда его называли «Чертов Блэквуд», но признавал это прозвище вполне уместным. Да еще эти бездарные стишки...

Вернувшись на свое место напротив него, Камилла спросила:

– Мистер Блэквуд, а вы действительно намерены досаждать мне?

– Нет-нет. – Китинг покачал головой и снова откусил от своего сэндвича. – Но, как вы наверняка уже заметили, на меня часто глазают и перешептываются за моей спиной. Скажите, а вас подобное беспокоит?

Камилла молча потупилась, потом, наконец, сказала:

– Знаете, я подумала, что могла бы взять у вас урок-другой. Я решила, что вы научите меня держаться спокойно, когда все вокруг глазают на вас. Но, наверное, эта мысль была не совсем удачной, – добавила она, тихо вздохнув.

Проклятье! Китинг долго молчал, внимательно глядя на девушку. Затем, чуть подавшись вперед, тихо сказал:

– Может, пойдете завтра гулять со мной? Поверьте, это единственный способ все объяснить.

Камилла насторожилась.

– Думаю, ничего хорошего из этого не выйдет, – пробормотала она.

– Камми, от дома ни на шаг! – громко сказала одна из девушек на другом конце стола. – А вы правда тот самый Чертов Блэквуд?

Китинг невольно нахмурился. Ему уже начинало казаться, что проще было бы отклонить предложение кузена и остаться дома.

– Да, тот самый, – ответил он, красноречивым взглядом предлагая горластой девице попытать удачу с кем-нибудь другим.

Снова повернувшись к юной леди, сидевшей напротив, он поспешил возобновить разговор. Китинг умел быть обязательным, но никак не ожидал, что леди Камила окажется норовистой, как жеребенок после первого в своей жизни снегопада.

– Нам вовсе не обязательно выходить завтра же. А если вас беспокоят мои намерения, возьмите с собой кого-нибудь из подруг. Я просто подумал, что такая прогулка могла бы получиться приятной...

– Раньше такое случалось, – ответила девушка так тихо, что Китинг едва расслышал ее, а потом, немного помолчав, добавила: – Вообще-то мне не хотелось бы выходить, но я извещу вас, если надумаю.

– Сделайте одолжение, – улыбнулся Китинг.

Похоже, его репутация обрекла на провал все предприятие еще до того, как оно успело начаться. Впрочем, ему, закоренелому цинику, следовало бы предвидеть такой исход. В каком-то смысле все это выглядело даже забавно... Выходит, девушка, репутация которой погублена, считала его известность чересчур скандальной. С другой же стороны... Черт возьми! Ему сейчас просто необходимо выпить! И уж точно не один стакан...

Глава 4

– Блэквуд предложил тебе сходить на прогулку?

Камилла кивнула, закалывая шпильками волосы, собранные в узел на макушке.

– Конечно, я отказала ему, но получить такое приглашение было все равно приятно. Даже от человека, скандальная репутация которого всем известна.

– Он сам сообщил тебе о том, кто он такой?

– Да, сам. Ведь в любом случае этот факт вскоре стал бы мне известен, – ответила Камилла.

Из зеркала трюмо на нее смотрели светло-зеленые глаза Софии Уайт, незаконнорожденной дочери герцога Хеннеси.

– А знаешь, по-моему, его репутация хуже твоей, Камми, – проговорила подруга.

– Что ж, благодарю. – Камилла убрала свои туалетные принадлежности в ящик трюмо, которым пользовалась вместе с Софией.

На Софию Уайт тоже поглядывали косо, но она-то, по крайней мере, пока что не давала никакой пищи сплетникам (не считая, разумеется того факта, что поступила на службу в этот клуб). Но мисс Уайт привыкла ко взглядам любопытных и к пересудам, и все это нисколько не беспокоило ее, до тех пор, пока она не достигла совершеннолетия, после че-

го вдруг обнаружила, что никто не желал нанимать в гувернантки дочь неосмотрительного герцога и горничной.

– А знаешь, ты и впрямь могла бы прогуляться с этим человеком, – продолжила София. – Да, все вокруг будут глазеть, но не на тебя, а на Чертова Блэквуда, понимаешь?

– Да, конечно... – пробормотала Камилла. – Но все-таки... Ох как же мне ненавистны эти взгляды искоса и шепотки. Они гораздо хуже неприкрытой грубости.

София со вздохом упала на свою постель и проговорила:

– Я тоже не в восторге от того, как на меня смотрят, но научилась не обращать на это внимания.

Присев на край кровати рядом с подругой, Камилла покачала головой.

– Обстоятельства твоего рождения не твоя вина, София. У тебя нет ни малейших причин обращать внимание на всех этих гадюк, плюющихся ядом.

– А ты, Камми?.. Ты что, готова навсегда запереться в стенах клуба «Тантал»? На всю жизнь?

– По крайней мере до тех пор, пока обо мне не забудут. – Тихо вздохнув, Камилла поднялась на ноги. – Что ж, если тебе так хочется вывести меня на прогулку, пойдем со мной.

– Договорились, – отозвалась подруга.

Камилла, уже собиравшаяся покинуть их общую спальню, замерла на пороге и пробормотала:

– Что ты сказала?..

– Ты же слышала. Если пойдешь прогуляться, тогда я то-

же пойду. С Китингом Блэквудом, разумеется. Я не прочь познакомиться с обладателем еще более скандальной, чем у меня, репутации. Это будет очень любопытно...

О боже! Камилла невольно поежилась, но тут же напомнила себе о том, что вроде бы научилась скрывать свой страх. Во всяком случае, другие девушки, служившие в клубе, не знали о ее малодушии. Они приняли ее с распростертыми объятиями, хотя даже родные от нее отвернулись. И ей очень не хотелось, чтобы ее новые подруги узнали о ее слабостях.

Сделав глубокий вдох, она проговорила:

– В таком случае я отправлю мистеру Блэквуду записку. А если к нам захочет присоединиться еще кто-нибудь, не стану возражать.

София усмехнулась и села на постели.

– Вместе не так страшно, верно?

– Да, разумеется. К тому же... Ведь мы те самые бесстыдные особы из клуба «Тантал». Рискну предположить, что при виде нас добродетельные дамы будут одна за другой падать в обморок.

Вот так-то! Это прозвучало очень смело, не так ли? Конечно, София вряд ли поверила в ее внезапную отвагу, но Камилла никому в клубе не доверяла так, как мисс Уайт.

Тотчас же, чтобы не передумать, Камилла направилась в общую гостиную, где написала записку Китингу Блэквуду. Он говорил, что остановился в Басвич-Хаусе, у герцога Гривза, и какого бы мнения ее работодатель, лорд Хейбери, ни

был о герцоге, Камилла считала, что дружба с ним говорила в пользу Блэквуда. Если бы он поселился у своего кузена маркиза Фентона, она вообще не пожелала бы с ним разговаривать. И скорее всего не удержалась бы от второй оплеухи.

Камилла поспешно отнесла записку Джульетте, по вечерам исполнявшей в столовой обязанности распорядительницы. Прогулка с почти незнакомым человеком просто потому, что ее... тянуло к нему, – пожалуй, на редкость плохая идея. Наверное, не пройдет и двух минут после начала прогулки, и она горько раскается в том, что покинула территорию клуба. Но за последний год ей доводилось побывать на улице не более десятка раз, а она всегда очень любила прогулки... К тому же Камилла успела убедиться, что к заточению, на которое она сама себя обрекла, почти так же трудно приспособиться, как к жизни вдали от родных и прежних друзей. И те и другие потеряны для нее навсегда, но, Бог свидетель, наверное, ей все-таки следовало вернуть себе радость прогулок.

Но если она согласилась прогуляться с Блэквудом, это еще не означало, что она покинет свое убежище, не разузнав о нем как можно больше. Он признался в убийстве... Будь она в своем уме, убежала бы от него подальше. А впрочем... Само его признание и чистосердечное раскаяние, прозвучавшее в голосе, успокоили ее. Он же не пытался солгать и не оправдывал свой ужасный поступок...

Немного поразмыслив, Камилла направилась на поиски

Пэнси Бриджер. При этом она старалась не обращать внимание на тревогу, а также на настойчивый внутренний голос, уверявший, что она опять опаздывает и слишком медлит, прежде чем принять решение. Но ей обязательно следовало узнать, как именно будет воспринято ее появление на публике в обществе мистера Блэквуда. И если кто-нибудь знал всю подноготную почти каждого мужчины в Лондоне, то только Пэнси.

Миниатюрную брюнетку Пэнси она застала за чтением в общей гостиной. Усевшись в кресло напротив, Камилла сказала:

– Пэнси, можно задать тебе вопрос?

Темно-карие глаза метнули в нее взгляд поверх книги.

– Камми, ты читала «Уэверли»?

– Читала, конечно. Знаешь, почти все уверены, что этот роман написал Вальтер Скотт. Но я понятия не имею, зачем ему понадобилось публиковать его анонимно.

– А в том, как он заканчивается, тебя ничто не смущает? – допытывалась мисс Бриджер.

Камилла задумалась. За последние несколько месяцев она успела свыкнуться со странностями Пэнси, но на сей раз все же не сумела понять скрытый смысл вопроса.

– Роман ведь написан по мотивам реальных событий, – осторожно высказалась она. – И если у меня нашлись бы возражения, то в первую очередь против гражданской войны...

– Уэверли женится на Розе, – ровным голосом произнес-

ла Пэнси. – На терпеливой и добродетельной Розе. – Она захлопнула книгу. – Полагаю, сэру Вальтеру была невыносима сама мысль, что мужчина способен найти счастье с такой женщиной, как Флора. О, еще бы!.. Ведь она интересуется политикой и живет своим умом!

«Ах вот оно что...» – мысленно улыбнулась Камилла и с серьезнейшим видом проговорила:

– Мне кажется, Роза олицетворяет мир и порядок, в то время как Флора – бурные волнения и идеализм. Это не столько две женщины, сколько символы разли...

– Я знаю, что они олицетворяют, – нахмурившись, перебила Пэнси. – И это мне не нравится. По логике вещей мужчина должен предпочесть умную женщину. Не понимаю, при чем тут символы. По-моему, это просто-напросто глупость.

Камилла со вздохом кивнула:

– Да, верно. Но это в идеале. А на самом деле многие мужчины, видимо, предпочитают тех женщин, которые наиболее... соответствуют им – по уму, по кошельку... и в постели.

Пэнси многозначительно подняла палец:

– О... неплохо сказано! А теперь задавай свой вопрос.

Камилла чуть было не забыла, зачем пришла.

– Я хотела спросить, что тебе известно о Китинге Блэквуде.

Подруга вновь нахмурилась и, немного помолчав, сказала:

– Я знаю стихи о нем. И знаю, что он провел в Шропшире, как в изгнании, последние шесть лет. – Морщинки у нее на

лбу разгладились, и она процитировала: – «Флиртует ночи напролет, играет и запоем пьет, а коль красотку заприметит – то у любого отобьет».

Слова Пэнси не предвещали ничего хорошего, и Камилла, снова вздохнув, пробормотала:

– А еще какие-нибудь подробности?

– О, знаю, конечно. Жертвой пал виконт Балтроу. Блэквуда взяли под стражу, но суд постановил, что он действовал в целях самозащиты. – Пэнси фыркнула. – Нисколько не сомневаюсь, что ему пришлось защищаться. Ведь лорд Балтроу застал его в обществе леди Балтроу. – Она пожала плечами и добавила: – Но, помнится, я где-то читала, что Блэквуд уехал к себе, а Балтроу погнался за ним. Так что с точки зрения закона виновен был Балтроу.

Камилла молча кивнула. Значит, насчет обстоятельств схватки между ним и виконтом Блэквуд ей не солгал. Но от этого ей не стало легче, ведь она не знала, как отнесутся люди к ее появлению вместе с Блэквудом на улицах города. Скорее всего от такого зрелища языки сплетников заработают вовсю.

– О... спасибо тебе... – пробормотала Камилла, заметив вопросительный взгляд подруги.

– Я слышала, что он вызвал тебя на разговор, Камми. Знаешь, он ведь ужасный человек... гораздо хуже тех мужчин, которые женятся ради денег или положения в обществе. От женщины ему нужно только одно. Все остальное для него не

имеет значения.

– Мы всего лишь перебросились несколькими словами, так что не надо за меня беспокоиться.

– Вот и хорошо, – кивнула Пэнси. – Я просто пытаюсь уберечь тебя от новых душевных ран.

– Спасибо за это.

Улыбнувшись подруге, Камилла встала и вернулась в вестибюль клуба. Было ясно, что сведения Пэнси о Блэквуде вполне подлинные. И Камилла снова подумала, что ей, возможно, следовало отказаться от прогулки с Чертовым Блэквудом, пока еще не поздно.

А тем временем Джульетта, исполнявшая обязанности распорядительницы, приветствовала нескольких джентльменов, только что вошедших в клуб.

– Я уже отослала твою записку, – сообщила Джульетта, когда Камилла подошла к ней поближе. – Не беспокойся, я извещу тебя сразу же, как только придет ответ.

Камилла мысленно вздохнула. Скорее всего записка уже у мистера Блэквуда. Поблагодарив Джульетту, Камилла снова поспешила наверх. Стало быть, решение о прогулке она приняла на основании своих впечатлений о нем, а вовсе не из-за его прошлого. Такой подход казался ей более честным и правильным – независимо от того, спешила она с выводами или нет. Но ведь спешка еще ни разу не приносила ей ничего, кроме боли... И теперь ей оставалось лишь гадать: неужели она опять совершила все ту же ошибку?

Китинг не удосужился взглянуть на того, кто отодвинул стул и сел напротив, потому что в данный момент переливал остатки виски из бутылки в свой стакан и всецело был поглощен этим занятием. Ведь каждая пролитая капля сейчас была бы равносильна трагедии.

– Я ухитрился раздобыть вам временное членство в клубе «Тантал». А вы что, решили провести вечер в «Иезавели»? – послышался низкий протяжный голос герцога Гривза.

– Мне здесь нравится, – отозвался Китинг. – Темно, пахнет спиртным, потом и свечным салом.

– И мочой. Очаровательно... Скажите, эта бутылка была полной, когда досталась вам?

Китинг наконец поднял голову и, встретив оценивающий взгляд темно-серых глаз, заявил:

– Адам, в няньках я не нуждаюсь.

– Мне просто стало любопытно, – объяснил герцог.

– Настолько любопытно, что вы явились в «Иезавель»? Вы ведь уже разлюбили подобные заведения... Не ходите за мной по пятам. Я этого не люблю.

– Знаю, – кивнул герцог. – А можно задать вам вопрос?

– Нет, нельзя.

– Ладно, хорошо. В таком случае просто посоветую вам кое-что... Вы должны помнить, что находитесь не в какой-нибудь шропширской таверне. И если вам ненавистен злополучный стишок, то не стоит превращаться в живое оли-

цетворение его неудачных рифм. Да, чуть не забыл... Вот что доставили для вас недавно. – Поднявшись на ноги, Гривз бросил на стол записку, после чего сразу же направился к выходу.

Китинг посмотрел ему вслед и пробурчал себе под нос:

– Кстати, Адам, не забыть бы как-нибудь передать вам, какого мнения о вас Хейбери.

Жаль, что он поздно вспомнил о разговоре с маркизом. Что ж, ничего страшного. Можно будет сказать об этом Гривзу в следующий раз. Было бы забавно сравнить бывших друзей.

Потянувшись за запиской, Китинг уже не в первый раз заметил: несмотря на многочисленность посетителей в этом игорном заведении, в радиусе ближайших десяти футов к нему не было ни души. Как будто он снова стал тем двадцатилетним бездельником, которого настолько переполняла жизненная сила, что плевать он хотел на мнение окружающих...

Тут чья-то теплая ладонь скользнула по плечу Китинга.

– Я знаю, кто ты такой, – послышался знойный шепот. – Пойдем, милый, пошалим. Денег я с тебя не возьму.

Подняв голову, Китинг окинул взглядом стоявшую перед ним девицу. «Иезавель» не клуб «Тантал», и работавшие здесь девушки не блистали ни воспитанием, ни остроумием, а зачастую не могли похвастать даже миловидностью. Зато стоили они недорого и были согласны на все.

– Как тебя зовут, крошка? – спросил Китинг, внезапно

почувствовав, что у него уже заплетается язык.

– Лиззи. А не нравится – называй как хочешь. Может, лучше Элеонорой?

Китинг вдруг схватил девушку за горло и вскочил. А ноги Лиззи болтались в воздухе, едва касаясь грязного пола.

– Что это значит? – процедил Китинг сквозь зубы.

Девушка вцепилась в его пальцы, пытаясь разжать, и прохрипела:

– Ничего, сэр... я ничего... просто так сказала.

Китинг отпустил ее и толкнул на колени к оторопевшему от неожиданности мужчине, сидевшему неподалеку.

– Так я и думал.

Внезапно вспомнив о записке, он схватил ее со стола, затолкал в карман и вышел из игорного дома. А за его спиной уже всю тявкали шакалы.

Несмотря на опьянение, Китинг понимал, как ему повезло. Вместо потаскухи, падкой на скандальную известность, его вполне мог подстеречь кто-нибудь из друзей покойного лорда Балтроу. Как предупредил Гривз – увы, слишком поздно, – Лондон не Шропшир.

Стараясь не шататься, Китинг дошел до угла, подозвал наемный экипаж и назвал вознице адрес Басвич-Хауса. Устроившись в шаткой и тряской крытой повозке, он вытащил из кармана записку и развернул ее. Пришлось поморгать, чтобы перед глазами прояснилось, но в экипаже оказалось настолько темно, что не удавалось разобрать ни единого слова.

Наконец Китинг поднес записку вплотную к узкому окошку и прищурился. В тусклом свете уличных фонарей он разглядел изящный округлый почерк.

– «Мистер Блэквуд, – вполголоса прочел он, – я обдумала ваше предложение, и мы с моей подругой Софией Уайт с удовольствием прогуляемся вместе с вами в среду. Будьте любезны встретить нас у клуба «Тантал» в два часа, а если не сможете, то предупредите письмом. Всего хорошего. Камилла Прайс».

Долгую минуту Китинг смотрел на последние слова, отчетливо видные на плотной веленовой бумаге: «Всего хорошего. Камилла Прайс», – потом провел по ним пальцем, но слова не стерлись. Сколько же времени прошло с тех пор, как он в последний раз получал письмо с таким пожеланием? Семь лет? Восемь?..

О господи, о боже! Китинг с силой ударил себя кулаком по колену. Не хватало еще разрыдаться от умиления! А так напиваться не просто глупо, а гораздо хуже. Ведь ему сейчас предстояло серьезно потрудиться. Да-да, он должен был во что бы то ни стало добыть эти десять тысяч фунтов. Не для себя, а для того, чтобы хоть отчасти искупить свою вину. О, как же он был виноват перед Элеонорой Балтроу...

Тут экипаж, к счастью, остановился. Китинг не успел пустить слезу, поэтому, с облегчением вздохнув, чуть ли не вывалился на подъездную дорожку Басвич-Хауса. Порывшись в карманах, он бросил вознице монету неизвестного досто-

инства, и тот в ответ почтительно прикоснулся пальцами к полям шляпы.

Хупер, дворецкий Адама, открыл парадную дверь прежде, чем Китинг успел постучать. Такой стремительной встречи он не ожидал и едва не рухнул на пол в холле – каким-то чудом ему удалось ухватиться за кушетку, стоявшую у стены.

– Прислать к вам Пиджона, мистер Блэквуд? – осведомился дворецкий, лицо которого напоминало маску, изображавшую предельную серьезность и благопристойность.

– Нет, сам справлюсь, – отозвался Китинг. – А Гривз здесь?

– Его светлость вернулся несколько минут назад.

– Долго он отсутствовал?

– Его светлость провел дома почти весь вечер, сэр.

– Когда принесли записку для меня?

– Незадолго до наступления сумерек, сэр.

Стало быть, Адам решил подождать. И ждал несколько часов, пока не убедился, что его гость решил пропьянствовать всю ночь. И лишь после этого герцог лично отвез ему записку. По-видимому, у Китинга все же появилась нянька, и в этой роли выступал не кто-нибудь, а сам Адам Басвич. Предпожив, что в записке хорошие вести, герцог был готов даже рискнуть поссориться с другом. Хотя обычно он считал, что всякого, кто сам вырыл себе яму, следовало в ней и оставить.

Китинг не помнил, как добрался до комнат, отданных

Адамом в его распоряжение, не помнил, как разделся и повалился на постель. Следующей его осознанной мыслью было желание расквасить камердинеру Пиджону нос, если тот не прекратит хлопать его по плечу.

– Сгинь! – буркнул он. – А то выгоню.

– Я у вас не служу, сэр.

Китинг с трудом приоткрыл один глаз.

– Все равно сгинь.

Тут герцог Гривз, тоже оказавшийся рядом, плеснул ему в лицо водой из кувшина.

Чертыхаясь, Китинг вскочил на ноги. Шок от ледяной воды и острый приступ головной боли настигли его одновременно. В ярости зарывав, он бросился на друга, но Гривз уклонился, и Китинг рухнул на пол. А подняться на ноги не успел – Адам поставил обутую в сапог ногу ему на поясницу.

– Лежать, – произнес он бесстрастно.

– Я и лежал, черт побери. В постели! А теперь на проклятом полу!

– Знаете, я никак не могу понять, что бы вы предпочли – нанести удар или получить его. – Каблук сапога стал еще тверже. – Полагаю, что в данный момент вы не в лучшей форме.

– Я, между прочим, в вас водой не плескал, – проворчал Китинг. – Уберите с меня ногу, а то я за себя не ручаюсь.

Спине стало легче.

– Пиджон уже пытался разбудить вас, – сообщил Гривз,

отступив на шаг. – Я здесь только потому, что полдень уже миновал, а у вас, кажется, в два назначена встреча.

Проклятия застряли в горле Китинга.

– А давно миновал полдень? – спросил он с беспокойством.

– Сейчас двадцать минут первого. Я велел приготовить вам ванну. А в гостиной чай, сахар и тосты. Помочь вам одеться?

Усевшись на полу, Китинг прислонился к кровати.

– Нет, – ответил он со вздохом. – Спасибо, Адам.

– М-да... Не знаю, что вы задумали, но я полностью за то, чтобы немного пошалить. – Гривз направился к двери. Обернувшись, добавил: – Ровно в час я пришлю к вам Пиджона.

Как только дверь закрылась, Китинг провел пятерней по мокрым волосам. По крайней мере, это всего лишь вода. Несколько лет назад бывали случаи, когда он просыпался в худших обстоятельствах. И он даже сосчитать не мог, сколько раз твердил себе, что пора заканчивать с таким неумеренным пьянством. Ведь раньше ему всегда удавалось помнить о своих обязанностях землевладельца – даже несмотря на свое пристрастие к хмельному забвению.

А теперь ему предстояло завоевать доверие почти незнакомой женщины, и на карту было поставлено десять тысяч фунтов. Но как же болит голова!

– Проклятье! – пробормотал Китинг, с трудом поднима-

сь, и тут вдруг понял, что был абсолютно голый.

Китинг грустно усмехнулся. Адам, видимо, ничего подобного не ожидал. Но, к чести герцога, он все-таки разбудил друга.

Не удосужившись разыскать халат, Китинг поплелся по короткому коридору к себе в гостиную. Попавшаяся ему навстречу горничная взвизгнула и бросилась наутек. Китинг же снова усмехнулся, подумав о том, что девицу, возможно, настиг приступ вожделения при виде его наготы.

Он опасался увидеть чугунную ванну, наполненную ледяной водой, однако вода была приятно горячей и над ней поднимался пар. Через пятнадцать минут, сочетая сладкий чай с расслабляющим погружением в ванну, Китинг почувствовал себя гораздо лучше и только сейчас понял, что герцог Гривз, оказывается, ознакомился с содержанием записки...

– Сэр... – послышался из-за приоткрывшейся двери голос Пиджона. – Его светлость говорит, что на прогулку вам надо одеться как полагается. Что желаете – черные брюки или лосины?

– Лосины. И новую рубашку. А также черный сюртук, самый тонкий. Похож я буду в таком виде на джентльмена или нет?

Китинг был уверен, что камердинер в растерянности заморгал, когда ответил:

– Д-да, сэр... прямо вылитый.

– Тогда побыстрее, пожалуйста. Не хочу опаздывать.

Дверь тотчас закрылась с глухим стуком, от которого Китинг поморщился. Что ж, конечно, он был в состоянии одеться как джентльмен. Но сумеет ли он вести себя соответствующим образом? Да, обязательно сумеет. Потому что должен.

Сунув в рот остатки тоста, Китинг вышел из ванны, насухо вытерся и оделся сразу же, как вернулся Пиджон с его вещами.

Адама следовало еще раз поблагодарить за заботу, но это означало бы признание, что без помощи герцога ему не обойтись. Поэтому он, не заходя к Гривзу, направился напрямиком в конюшню, где конюх уже седлал Увальня.

Несколько минут спустя Китинг направился к клубу «Тантал», пустив коня осторожным аллюром и старательно избегая тряски. А потом он вдруг понял, что не знал, как сообщить о своем визите к одной из... В следующее мгновение Китинг заметил леди Камиллу, ждавшую его на подъездной дорожке. А рядом с ней стояла миловидная рыжеволосая девушка. Значит, Камилла все-таки, пренебрегая доводами благоразумия, отважилась показаться в его обществе...

Через минуту-другую Китинг спешил и, поручив Увальня заботам одного из клубных конюхов, приблизился к девушкам.

– Добрый день, милые леди, – произнес он, решив, что поклон в данном случае был бы неуместен, особенно для его головы, готовой взорваться от любого лишнего движения.

– Добрый день, мистер Блэквуд, – кивнула в ответ Камил-

ла. – А это моя близкая подруга мисс Уайт. София, познакомьтесь с мистером Блэквудом.

– Зовите меня просто Китингом, пожалуйста, – попросил он, прикоснувшись к руке Софии. – Итак, дамы... Мы идем в какое-то определенное место?

– В Грин-парк, – тотчас же ответила Камилла.

А ведь те, кто хотел показать себя и посмотреть на других, особенно в разгар дня, отправлялись гулять в Гайд-парк. Хм... любопытно.

– Значит, в Грин-парк, – отозвался Китинг, предлагая дамам руки. – Если пожелаете, угощу вас мороженым.

– О, я уже истосковалась по лимонному мороженому, – с улыбкой заметила мисс Уайт, взяв его под локоть.

Но Камилла по-прежнему стояла рядом, глядя на предложенную ей руку.

– Что-нибудь не так? – спросил Китинг. – Может, по мне что-нибудь ползает?

– Нет. Но я согласилась только на прогулку, а не на поступки, которые лишь ухудшат мое положение. – Она поморщилась. – И от вас пахнет спиртным...

Китинг помолчал. Упрек Камиллы казался вполне резонным. А еще ему очень понравились морщинки у нее на носу... такие умильные.

– Может, и так, – сказал Китинг, стараясь не показаться обиженным. – Но поверьте, я не осложню ваше положение. – Он переглянулся со второй дамой. – Увы, придется вам от-

пустить меня. Если я не смогу идти под руку с вами обеими, это будет выглядеть так, что я ухаживаю за одной из вас.

Едва заметно улыбнувшись, Камилла зашагала по тротуару. Китинг быстро последовал за ней, не дожидаясь, когда их догонит мисс Уайт. Вскоре он поравнялся с бывшей невестой своего кузена. На ней была бледно-голубая шляпа, придавшая яркость ее глазам оттенка светлой лазури.

– Что побудило вас решиться на эту прогулку? – спросил Китинг, замедлив шаг.

– София предложила составить мне компанию. К тому же... в последнее время мне не хватает дружеских отношений. Вот я и решила, что нелепо отворачиваться от человека, с которым могла бы подружиться, пусть даже у него как будто бы сомнительная репутация.

– Знаете, я польщен.

Камилла снова улыбнулась и тут же тихо сказала:

– Но я хочу кое о чем вас попросить...

– Хотите, чтобы я держался в двадцати шагах от вас? – перебил Китинг, стараясь сохранять невозмутимое выражение лица.

Девушка отрицательно покачала головой:

– Нет-нет, хочу попросить о честности.

– Простите, о чем?..

– О честности. Я здесь только потому, что вы честно признались, кто вы такой. Никогда не лгите мне, мистер Блэквуд, или я решу, что на самом деле у нас с вами нет ничего

общего.

Китинг кивнул, и словно какая-то тяжесть вдруг свалилась с его души. Но о том, что это было за ощущение, он решил подумать потом.

– Согласен. Если вы готовы ответить мне той же любезностью.

– Значит, договорились, – сказала Камилла.

– Тогда пожмем друг другу руки? – предложил Китинг, взглянув на парк, показавшийся впереди.

Рыжеволосая девушка, следовавшая за ними, громко фыркнула. Что ж, пусть смеется. Ведь только благодаря ей Камилла согласилась прогуляться с ним сегодня.

– Хорошо, пожмем.

Камилла протянула своему спутнику правую руку.

Подавив странное желание сначала вытереть ладонь о штаны, Китинг пожал руку девушки. Все прошло так гладко, будто она и не спрашивала недавно, зачем он вернулся в Лондон. Само собой, Китингу и прежде случалось нарушать свое слово, но в этот момент он надеялся, что поступать так с Камиллой Прайс ему не придется.

Глава 5

У ворот парка девушки все же взяли своего спутника под руки, и теперь все трое прогуливались по дорожкам... точно старые друзья. И Камилла очень надеялась, что никто из посетителей парка не обратит на них особого внимания.

Стараясь успокоиться, девушка сделала глубокий вдох. Прошло больше года с тех пор, как она в последний раз бродила по паркам Мейфэра – правда, совсем в другой компании, – однако казалось, будто с тех пор миновала целая вечность. Лондонский шум затих вдалеке и сменился щебетом птиц и негромким шелестом деревьев. «Умиротворение и покой...» – подумала Камилла, постепенно расслабляясь. Она перестала смотреть себе под ноги и стала поглядывать по сторонам. А рядом с ней София весело болтала с мистером Блэквудом, как ни странно, о шляпках. Камилла мысленно улыбнулась. Ее пальцы касались сюртука Китинга, она старалась не обращать внимания на внезапный прилив тепла к кончикам пальцев. Если бы раньше ей кто-нибудь сказал, что в один прекрасный день она будет благодарна человеку, который сам признался, что совершил убийство, она бы не поверила. И тем не менее, гуляя сейчас под деревьями Грин-парка, сквозь листву которых яркими вспышками пробивались лучи солнца, Камилла испытывала чувство глубокой благодарности.

– Сколько времени прошло с тех пор, как вы гуляли в прошлый раз? – негромко спросил Китинг, повернувшись к ней.

Камилла вспыхнула. Она и не подозревала, что ее мысли так легко прочитать.

– Год. Но не в этом дело. Просто день сегодня чудесный.

– Да, и впрямь.

Камилла пристально взглянула на своего спутника, но тот уже увлеченно наблюдал за парой белок, перескакивавших с одного дерева на другое. Господи, а чего она ждала от него – неужели комплимента? Или думала, что он вынашивал бесчестные планы на ее счет? Разумеется, ответ на оба вопроса – твердое «нет».

– А вы часто гуляете? – спросила она, пытаясь поддерживать светскую беседу.

– Я выращиваю пшеницу, а также держу коров и овец, – с непринужденным видом отозвался Китинг. – Так что на свежем воздухе я бываю почти каждый день.

– Вы сами ухаживаете за ними?

– Стараюсь. – Мистер Блэквуд откашлялся. – Но это не значит, что я живу отшельником... или что-нибудь в том же роде. У меня есть слуги. Несколько человек работают на свежем воздухе вместе со мной – не считая тех, кто нанимается на работу во время сбора урожая или отела.

– Не ожидала ничего подобного от человека, о котором пишут стихи.

На щеке Китинга дрогнул мускул.

– Не я же их написал, – пробурчал он.

– Камми, осторожно, – раздался вдруг голос Софии у него за спиной.

И в тот же миг Камилла услышала девичий щебет, после чего из-за живой изгороди вышли пять юных леди.

– Могла бы предупредить и пораньше, – прошептала Камилла, обращаясь к подруге.

– Я сама только что их услышала, – так же тихо ответила София. – Просто идем дальше. И не беспокойся.

– Я что-то пропустил? – Китинг нахмурился.

– Нет-нет. Просто они... говорят о том, что мне не хочется слушать, – отозвалась Камилла. – Но нам все равно пора возвращаться.

– А-а... понятно. – Китинг снова взял своих спутниц под руки. – Смотрите, что сейчас будет.

Высвободиться Камилла никак не могла – разве что грубо вырвать свою руку. Она чувствовала себя словно в ловушке, а между тем ее влекли вперед, к худшему из ее кошмаров. О боже! Она даже узнала двух из этих юных леди: одна была ее близкой подругой до тех пор, пока...

– Стойте! – в отчаянии прошипела Камилла.

Но Китинг продолжал вести их с Софией вперед.

На расстоянии дюжины шагов от пяти юных леди Блэквуд отпустил своих спутниц. И едва хорошенькое личико Амелии Даннинг, обрамленное танцующими смоляными локонами, скривилось в презрительной гримаске, Китинг ринул-

ся вперед.

– Милые дамы!.. – воскликнул он. И схватив Амелию за плечи, привлек к себе и смачно поцеловал в губы. Потом отпустил ее и повторил то же самое с Оливией Харден.

Громко завизжав, девушки бросились врассыпную – точно перепуганные цыплята. Несколько секунд спустя на дорожке остались только Камилла, София и Китинг (если не считать других гулявших поодаль: глазели на спутника девушек и переговаривались вполголоса). Камилле же почудилось, что она услышала знакомый рефрен: «Лет двадцати от роду, порвав со всей семьей, он три столичных года мосты жег за собой».

– Черт возьми, зачем вы это сделали? – в возмущении проговорила она.

– Держу пари на тысячу фунтов, что теперь никто из присутствующих не сплетничает о вас, Камилла Прайс, – с усмешкой заявил Китинг.

– Но как же... Что будет, если за вами в погоню бросятся разгневанные отцы?

– Вряд ли осмелятся. Что, пойдем дальше?

«Но ведь Блэквуд сделал это только из-за меня», – промелькнуло вдруг у Камиллы. Да, он оконфузил ее бывших подруг вовсе не из-за своего ужасного характера, а потому, что стремился защитить ее. После шумихи, вызванной ее поступком, она чувствовала себя самым большим грязным пятном на мейфэрском ландшафте, и вот теперь... Как странно

сознавать, что она столкнулась с человеком, репутация и положение которого запятнаны еще больше. И еще удивительнее была мысль о том, что его присутствие обеспечивало ей желанную передышку. Да, люди вокруг по-прежнему будут хмуриться – но уже не в ее адрес.

София же тем временем издавала какие-то странные звуки, и Камилла вдруг поняла, что подруга едва удерживается от смеха.

– Что смешного? – пробурчала она.

– С этими девушками я не знакома, – сказала незаконнорожденная дочь герцога Хеннесси, – но полагаю, ни одна из них еще ни разу в жизни не была настолько изумлена и скандализирована, – проговорила София.

– Надеюсь, что так, – вставил Китинг. – Было бы обидно думать, что все мои старания пропали даром.

– Какие еще старания? От вас всего-то и требовалось, что выпятить губы и шагнуть ближе.

– Но мне пришлось сделать над собой усилие, – отозвался Китинг. – Мы с девственницами обычно избегаем друг друга. Что-то там насчет рая и ада, а также пламени проклятия – помните?

– А как же ваша прогулка с двумя юными и невинными мисс? – спросила Камилла, невольно усмехаясь.

– При ограничении физических контактов нам с вами ничего не грозит. – Китинг тоже усмехнулся и добавил: – Только не говорите, что вам не было весело.

Камилла пожала плечами. «А ведь этот мужчина, с которым я познакомилась только вчера, сейчас проявил себя более надежным союзником, чем за весь минувший год мои родители и сестры, не говоря уже о бывших подругах», – подумала она неожиданно.

Камилла привыкла считать, что потратила последнюю каплю отпущенного ей везения, когда нашла рекламное объявление о приеме девушек в клуб «Тантал», – в тот самый день, когда вдруг обнаружила, что в ее кошельке остался всего один шиллинг. Но вот теперь еще одна удача. Потому что знакомство с Китингом Блэквудом и впрямь было редкой удачей.

– Я и веселюсь, но только осторожно, – призналась Камилла. – А если бы я знала, почему вы согласились взять на себя удары, предназначенные для меня, то по-настоящему бы развеселилась.

Ее спутник расплылся в улыбке и проговорил:

– В таком случае нам будет что обсудить, когда мы завтра поедем кататься, верно?

Всю дорогу до Басвич-Хауса Китинг боролся с нестерпимым желанием стереть с губ стойкий привкус девичьей обиды. Шесть лет назад папаши униженных девиц, возможно, и впрямь бросились бы за ним в погоню, потрясая ружьями и кулаками, но репутация Чертова Блэквуда обеспечивала ему своего рода защиту. И, по-видимому, все ожидали от

него каких-нибудь возмутительных выходов. Что же касается молоденьких леди... по крайней мере, сегодня эти девчонки не будут сплетничать о Камилле Прайс. Разумеется, Фентон предпочел бы, чтобы они перемыли ей косточки, – ведь все, что подтолкнет ее обратно к алтарю, несомненно, придется по душе маркизу. Хм... а ведь действительно... Китинг поморщился. Но об этом надо было задуматься еще до того, как он взялся геройствовать.

Хупер известил его, что Гривз на заседании парламента, поэтому Китинг направился в обширную библиотеку друга, чтобы ответить на письмо Фредерикса, управляющего его поместьем. За последние шесть лет Фредерикс впервые исполнял свои обязанности самостоятельно, но, с другой стороны, до того он управлял Хэверд-Гленом тринадцать лет, причем без какой-либо помощи и руководства.

Справившись с письмом довольно быстро, Китинг осмотрелся. Запирающаяся на ключ подставка для графинов с вином поблескивала рядом с центральным окном библиотеки под лучами предвечернего солнца, но Китинг решительно отвернулся от проклятых склянок и отправился на поиски какой-нибудь книги. Из-за пьянства он чуть было не упустил сегодня свой второй и последний шанс, вдобавок насквозь пропах спиртным.

Рухнув в кресло, Китинг поднял руку и понюхал собственный рукав, но уловил только слабый запах лимона – там, где за его руку цеплялась эта рыженькая, София Уайт. Он рас-

стегнул сюртук и вновь принялся: видимо, так пропитался запахом виски, что ничего не чувствовалось.

– Чем это вы заняты? – Герцог Гривз опустил в соседнее кресло и, протянув руку, забрал у друга книгу. – «Гордость и предубеждение»? – Гривз вскинул брови. – И давно вы пристрастились к романтической прозе?

– Пять минут назад. – Китинг отнял у него книгу и хлопнул. Какими бы способами он ни пытался постичь натуру Камиллы Прайс, посвящать в свои открытия Адама Басвича не следовало. – Какие у вас планы на вечер?

– Я приглашен на ужин к лорду и леди Кларксон. И предложил бы вам составить мне компанию. Но, увы, поскольку сегодня вы напали на их дочь, вам в этом доме не следует показываться.

– М-да?.. И которая из них была она?

– С черными локонами.

– Буду знать.

Герцог же молчал – очевидно, что-то обдумывал, минуту спустя, наконец, произнес:

– Хорошо, можете не говорить, что затеяли. И не надо объяснять мне, почему утром вы заговаривали о том, что хотите начать все сначала, а днем устроили возмутительное представление с поцелуями. А я в ответ не посоветую вам образумиться, пока вся палата лордов не приняла решение измазать вас дегтем и вывалить в перьях.

Поднявшись, Китинг сунул книгу под мышку и прогово-

рил:

– Все по-честному. Настолько, что в благодарность за вашу откровенность я воздержусь от упоминаний о вашем... весьма красочном прошлом.

– Отлично, – кивнул герцог.

– Поразительно, сколько угрозы вы способны вложить в одно-единственное слово, друг мой, – заметил Китинг. Если бы ему было не все равно, он счел бы такую способность отталкивающей. – Что же касается сегодняшнего вечера... Думаю, что я выберусь на ранний ужин в клуб «Тантал», а затем удалюсь на покой.

– Вы... кхм... – Гривз откашлялся. – В таком случае, может, посоветуете, как мне отвечать на требование Кларксона принести ему вашу голову на блюде?

– Скажите, пусть становится в очередь. А к тому времени как она подойдет, я наверняка буду уже мертв.

– Возможно, этого хватит. Кстати, я намерен провести завтрашний день у Таттерсолла. Не желаете присоединиться?

– У меня дела. – «И к тому же ни гроша на покупку лошадей с аукциона», – мысленно добавил Китинг, направляясь в отведенные ему комнаты, чтобы переодеться к ужину.

– Вы ведь знаете: если что-то случилось, можете мне довериться, – проговорил герцог ему вслед.

– Ничего не случилось, Адам, – ответил Китинг, но не обернулся. – Тем не менее спасибо. И я постараюсь покинуть

Лондон до того, как к вашим дверям начнут паломничество толпы, жаждущие расправы надо мной.

Любимая книга Камиллы развлекала его еще долгое время после наступления темноты. Этот Дарси выглядел слишком чванливым и надутым, но определенно не ошибся в выборе одной из сестер Беннет.

Наконец Китинг потянулся, позвал Пиджона и потребовал одежду к ужину. В Шропшире он пренебрегал приглашениями до тех пор, пока другие местные жители не перестали присылать их. Вследствие этого раньше он почти не нуждался в вечерней одежде, а теперь уже ощущал ее нехватку. Как бы мучительно это ни было для него самого и его кошелька, предстояло кое-что купить.

Он уже заканчивал повязывать галстук, когда дворецкий постучал в полуоткрытую дверь спальни.

– Мистер Блэквуд, у вас гость.

Китинг насторожился.

– Мужчина или дама?

– Мужчина.

Это не предвещало ничего хорошего.

– Он вооружен?

Дворецкий в растерянности заморгал.

– Нет, сэръ. Это маркиз Фентон.

С облегчением вздохнув, Китинг вновь занялся своим туалетом.

– Я спущусь через минуту, – ответил он.

– Хорошо, сэр.

Завершающим штрихом стал тонкий кинжал, который Китинг всегда носил в правом ботфорте. Бросив быстрый взгляд на бутылку виски, стоявшую на туалетном столике, он покинул комнату и спустился по лестнице. Хупер жестом пригласил его в малую гостиную, а сам скрылся в глубинах дома. Прислуга Адама отличалась деликатностью.

– Приветствую, кузен, – проговорил Китинг, отворив дверь гостиной.

Фентон тоже был одет к вечернему выходу, хотя вряд ли направлялся туда же, куда и Китинг. Вход в клуб «Тантал» для маркиза был закрыт. Пристально взглянув на кузена, он проворчал:

– Какого дьявола?.. Что вы творите?

– Отправляюсь ужинать.

– Прикидываться невинной овечкой слишком поздно, Китинг. Вы приехали сюда для того, чтобы убедить Камиллу Прайс вернуться ко мне. А не для того, чтобы осложнять положение.

– Почему я приехал, мне известно. И я, помнится, сказал, чтобы вы предоставили все детали мне. – Китинг нахмурился. – Что именно вам говорили?

– Люди видели, как вы терроризировали посетителей Грин-парка, набрасываясь с поцелуями на юных добропорядочных леди. Китинг, какого черта?

– Видите ли, я там прогуливался. А знаете, с кем именно?

– Мне плевать, с кем вы там побывали. О нашем родстве известно слишком многим, и я не могу спокойно наблюдать за вашими возмутительными выходками.

– Хм... любопытно. Так вот, к вашему сведению, я гулял вместе с вашей невестой. Мы случайно повстречались с ее бывшими подругами, и я помешал им вновь начать распускать сплетни. – Вот так-то! Прекрасное объяснение. И никакие силы неба или ада не убедили бы его признаться, что в ту минуту он думал лишь о прелестных голубых глазах Камиллы Прайс.

Шагнув к кузену, Фентон с удивлением спросил:

– Вам удалось выманить ее из этого проклятого клуба?

Китинг с усмешкой кивнул:

– Да, удалось.

– Тогда надо было известить меня. Я мог бы столкнуться с вами как бы невзначай... А так вы превратились в угрозу для общества.

– Угрозой для общества я считаюсь уже давно. И потом... Я же сказал, что вы должны предоставить это дело мне. А теперь, Стивен, уходите, пока кто-нибудь не заметил вас здесь и вы не погубили мою репутацию, – добавил Китинг с издевательской ухмылкой.

Маркиз тут же кивнул.

– Да, хорошо. Но пообещайте мне больше так не делать. Я же просил вас действовать тактично.

– Я тактичен во всем, что касается вас и Камиллы. Но если

вы намерены распорядиться и всей остальной моей жизнью, то не утруждайтесь понапрасну.

Фентон нахмурился и проговорил:

– Если вы рассчитываете на вознаграждение, то вам следует действовать лишь согласно моим распоряжениям. По милости Камиллы Прайс я очутился в чрезвычайно щекотливом положении. Пожалуй, вы все-таки правильно поступили, что пресекли сплетни с самого начала, но вы здесь для того, чтобы она усвоила урок и поняла, как опасно пренебрегать приличиями.

– Знаю, зачем я здесь, – отрезал Китинг. – Однако никак не пойму, что вы здесь делаете. Уходите же быстрее.

Снова нахмурившись, Фентон решительным шагом направился к двери, которую как раз вовремя распахнул перед ним появившийся точно по волшебству Хупер.

– Не советую играть со мной, Китинг, – бросил напоследок маркиз через плечо. – Мое терпение на исходе.

Опередив дворецкого, Китинг сам захлопнул за кузеном дверь, пробурчав при этом слово «болван». Он еще минут пять вышагивал туда и обратно по коридору в ожидании, когда кузен отъедет подальше от Басвич-Хауса (нет ничего хуже, чем поставить жирную точку в разговоре, а потом еще и ждать лишь из-за того, что не рассчитал время).

Наконец он вышел и верхом на Увальне отправился в клуб «Тантал». Поскольку доступ туда был открыт Китингу только как гостю Гривза, ему следовало бы приехать вместе с гер-

цогом, но тот являлся членом еще и десятка других клубов. К тому же его частенько приглашали в гости.

Сегодня Камилла не занималась рассаживанием гостей – эту обязанность выполняла ее веселая рыженькая подружка.

– Добрый вечер, София. – Китинг с улыбкой остановился перед пюпитром у входа в зал «Деметра».

– А вы сегодня... один? – спросила девушка.

– Пока что да. Вам ведь не разрешат поужинать со мной? Ее щеки порозовели.

– Господи, конечно, нет. – Она взглянула на него вопросительно. – Вы опять ищете приключений, не так ли?

– При любой возможности. А вашей застенчивой подруги сегодня здесь нет?

– Сегодня вечером Камми сдает в «двадцать одно».

Китинг невольно усмехнулся. Значит, Камилла сидит за игорным столом? Что ж, очень любопытно...

– А я думал, место ее работы – зал «Деметра».

– Мы учимся всему, чтобы подменять друг друга. Салли нездоровится, и Камми сказала, что вполне сможет провести один вечер за игорным столом.

Китинг осмотрелся. Конечно же, на него весь вечер будут с возмущением таращиться, избегая общения с ним. Он мысленно подсчитал наличность в собственных карманах – что-то около девяти фунтов, половину из которых он мог позволить себе потерять. Да, рискованно: ведь в карты он не играл уже шесть лет, но, с другой стороны, вполне мог ли-

шиться нескольких фунтов ради обретения десяти тысяч.

– Я, пожалуй, тоже сыграю в карты, – заявил он, кивнув Софии.

– Сегодня вечером у нас в меню дивный жареный фазан, – сообщила она, указывая в сторону многолюдной столовой.

Китинг с улыбкой покачал головой.

– Нет-нет, ужин я пропущу. Но все равно спасибо. – Взглянув на три двери, ведущие из зала, он нахмурился. – Куда мне?

– В зал «Персефона». Только не говорите ей, что это я вам сказала, где она сегодня работает.

– Буду нем как рыба.

Зал «Персефона» казался самым большим из всех игорных залов, и если кому-то потребовались бы доказательства процветания клуба «Тантал», то здесь они имелись повсюду. Во-первых, ни единого свободного места за столами. Кроме того, запах дорогих американских сигар, шелест карт и милостивые девушки, разносившие напитки, сдававшие карты и распоряжавшиеся за игорными столами. Причем здесь было немало весьма влиятельных в Лондоне мужчин, дорого плативших за привилегию услышать из уст девиц с погубленной репутацией, что они, джентльмены, уже проиграли слишком много и на сегодня им достаточно.

Китингу понадобилось не меньше минуты, чтобы высмотреть Камиллу. Ее почти пепельные волосы были уложены в изящный узел, и тонкие локоны, выбивавшиеся из него,

обрамляли очаровательное личико. Скромный муслиновый наряд, в котором она гуляла днем в парке, сменился синим атласом вечернего платья, подчеркивавшим изящество фигуры. Боже милостивый! Неудивительно, что, несмотря на ее скандальную репутацию, у нее за столом сидели четверо мужчин, а еще полдюжины стояли вокруг, будто бы наблюдая за игрой.

Неудивительно и то, что Фентон столь решительно вознамерился прибрать эту красавицу к рукам. Имена Камиллы и маркиза уже были неразрывно связаны, а мужчины, окружавшие ее сейчас, проводили дни в палате лордов, в других клубах и на светских приемах вместе с Фентоном. И кузен, видимо, понимал: окружающие никогда не забудут, что он, строго говоря, все еще был обручен с женщиной, сбежавшей из-под венца ради службы в этом клубе.

Для такого поступка требовалась смелость. Молодая леди, которую Китинг сегодня днем сопровождал на прогулке, держалась осторожно и выглядела оскорбленной, а теперь казалась уверенной в себе и даже... раскованной. Прежде Китинг думал, что вернуть ее в объятия Фентона и в лоно светского общества будет не так уж сложно. Однако Камилла Прайс оказалась более многогранной натурой, чем он предполагал. Следовало выяснить, что побуждало ее к действию, чего она на самом деле хотела и что могло заставить ее вернуться к жениху. А для достижения этих целей ему, Китингу, предстояло стать доверенным лицом Камиллы. То есть

прекратить следить за ней взглядом кошки, подстерегающей мышь, – каким бы острым ни было желание наброситься на нее.

Тут она подняла голову и, встретившись с ним взглядом, едва заметно улыбнулась. Он улыбнулся ей в ответ и кивнул, стараясь подавить свои инстинкты хищника. Возможно, Камилла решила, что в его недавнем нападении с поцелуями не было ничего ужасного. Что ж, тем лучше.

Приблизившись к столу Камиллы, Китинг произнес:

– Пожалуй, я не прочь сыграть.

– За этим столом играют только четверо, Блэквуд, – отозвался виконт Суонсли, подняв взгляд от своих карт. – Поищите место за другим.

– Я хотел бы сыграть именно здесь.

Сидевший рядом с виконтом Джонас Атерлинг внезапно поднялся.

– Можете занять мое место, – предложил он, сгребая со стола свои монеты. – Я предпочитаю не оставаться с вами в одном помещении.

– Я тоже, – буркнул толстяк, который, судя по запаху, искупался в дешевом французском одеколоне и теперь жутко благоухал.

«И как только Камилла ухитряется дышать в такой атмосфере?» – подумал Китинг, занимая освободившийся стул.

– Как вам сегодняшней вечер, миледи? – спросил он, выкладывая на стол свою наличность.

– Прекрасно, мистер Блэквуд. – Камилла обвела взглядом игроков. – Вы готовы, джентльмены?

– Сдавайте карты, черт возьми, – проворчал толстяк слева от Китинга. – Надеюсь, все мое невезение переметнется на Блэквуда.

– Меня обычно не преследует невезение, – возразил Китинг. – Просто я иногда делаю неверный выбор, а это не одно и то же.

– Подобный спор – это все равно что обсуждать степени смерти, – вмешался джентльмен, сидевший справа от Китинга.

И Китинг тут же пересмотрел свое мнение о членах клуба: по крайней мере, один из них хандрил, а также обладал недюжинным умом.

– С кем имею честь? – Он взглянул на незнакомца.

Тот усмехнулся и проговорил:

– А ведь вы давно не приезжали в город, верно? – Он жестом попросил третью карту. У него были слишком уж длинные темно-каштановые волосы, а выглядел он лет на двадцать пять.

Внимательно глядя на него – он видел лишь его профиль, – Китинг проговорил:

– Но кто же вы такой, сэр? И что вы делаете в этом почтенном заведении? – Заметив стакан возле локтя собеседника, Китинг добавил: – Мне кажется, вам следовало бы пить вообще не бренди, а то, что пьется быстро и легко, – к примеру,

виски. Или водку.

Тут незнакомец наконец повернулся к нему лицом. И Китинг тотчас же увидел тонкий белый шрам, рассекавший до половины его правую щеку. Но, наверное, еще более примечательным оказалось молочно-белое бельмо на правом глазу, совершенно неожиданно сочетавшееся с темно-синим левым глазом.

– Не припомню, чтобы я спрашивал у вас совета, но вы правы. – Незнакомец поднялся и придвинул к Камилле соверен. – Хорошего всем вечера.

Никто не занял место одноглазого джентльмена, поэтому Камилла сдала по две открытые карты трем оставшимся игрокам. Себе же сдала семерку треф и короля пик. Подняв голову, проговорила:

– Итак, джентльмены...

– Кто это был? – спросил Китинг.

– Он не представился, мистер Блэквуд, – ответила Камилла. – Желаете еще одну карту?

«Значит, она решила делать вид, что мы с ней не знакомы», – подумал Китинг, бросив взгляд на девятку и даму, лежавшие перед ним, ответил:

– Я подожду.

Лишь мимолетным взглядом Камилла выдала себя, вернее – дала понять, что правильно поняла его ответ. По крайней мере, Китинг очень на это надеялся. Но если уж она и впрямь делала вид, что не знакома с ним, то рассчитывать

на ее доверие не стоило. Во всяком случае, ясно одно: ему следовало вести себя пристойно. Значит, решение отказаться от спиртного было чертовски правильным.

Глава 6

Камилла сдавала карты еще час, затем подала знак распорядительнице в зале, что ей необходимо размять ноги, и несколько не удивилась, когда Китинг Блэквуд покинул игровой стол сразу после нее.

– Прошу вас, не делайте этого, – украдкой шепнула она, направляясь к двери, ведущей во внутренние помещения клуба, где можно было уединиться.

– Не делать чего? – негромко отозвался Китинг.

– Не надо за мной ходить. Кто-нибудь может подумать, что вы меня преследуете.

– Нет, не преследую.

«Странный ответ...» – подумала девушка. И тут же почувствовала, как подпрыгнуло ее сердце.

– Ладно, хорошо, – ответила она. – Но выглядит это именно как преследование, и у людей появится новый повод для сплетен. А я этого не хочу. – Судя по завистливым взглядам, которые бросали на нее подруги, пока она шла по залу, ей очень повезло. Ведь Китинг был дьявольски красив, остроумен и бесстрашен. И прекрасно играл в карты. Если бы не его репутация, у нее не нашлось бы ни единого возражения против его компании.

И тут ее осенило... Она же относилась к нему точно так же, как многие относились к ней! Камилла споткнулась у по-

рога двери, ведущей в дальние комнаты, и чуть не упала. Но сильная рука вовремя ее поддержала.

– Осторожнее. Смотрите под ноги.

– Благодарю вас. Извините меня.

Китинг пристально взглянул на нее.

– За что?

– За то, что судила о вас по вашей репутации. С моей стороны это лицемерие.

Его чувственные губы дрогнули в усмешке.

– Нет,нисколько. С вашей стороны это очень мудро. Мы с вами отнюдь не ровня.

Глядя поверх его плеча на многолюдный зал, откуда за ними наблюдало множество любопытных глаз, Камилла пома-нила своего собеседника за собой.

– Если хотите, можете войти.

После некоторого замешательства он проследовал за ней по узкому коридору, потом вошел в какое-то помещение, закрыл за собой дверь и проговорил:

– Уж теперь-то на вас никто не глазееет.

Камилла пожала плечами.

– На меня и так никто не глазееет.

– Но почему?.. Не понимаю... Вы ведь прелестны.

Щеки Камиллы вспыхнули. Она не могла даже припомнить, когда в последний раз ей делали комплименты, не пытаясь при этом ущипнуть или затащить в постель.

Судорожно сглотнув, Камилла проговорила:

– Видимо, некоторые считают меня безнадежно запятнанной, а потому готовой продаться задешево, другие же сторонятся как зачумленной.

– Если бы мне пришлось говорить о мужчинах в целом, – Китинг криво усмехнулся, – то почти все они кретины и болваны. Они хотят то, чего не могут получить, но считают, что уже имеющееся у них досталось им слишком дешево, а потому не может считаться ценным.

«Оказывается, Китинг Блэквуд – незаурядный человек», – внезапно промелькнуло у Камиллы. И она еще больше заинтересовалась этим мужчиной.

– А какое место в этой классификации занимаете вы?

– Я тоже мужчина, но давно усвоил свой урок и теперь отчетливо вижу чужие глупости.

– Вот как?

– Именно так. – Он склонил голову к плечу и перевел взгляд на ее губы. – У вас чудесная улыбка. Вам стоило бы почаще улыбаться. При известном умении улыбки могут быть опаснее пистолетов.

Камилла только теперь поняла, что улыбалась. Ей захотелось погасить улыбку: нахмуриться, потупить и сбежать, – но она тотчас же передумала. Кроме них, в коридоре ведь не было ни души, и только Китинг видел, что она вела себя так, будто и впрямь радовалась разговору. И она вдруг вспомнила, что в его присутствии ей почему-то очень хотелось улыбаться... И, конечно же, не только потому, что Китинг Блэк-

вуд на редкость видный мужчина. По каким-то совершенно необъяснимым причинам он ей явно симпатизировал и был на ее стороне.

При этой мысли сердце Камиллы гулко заколотилось. Положив ладонь на грудь Китинга, она придвинулась к нему поближе... и вдруг поцеловала! Когда их губы соприкоснулись, она почувствовала, что он удивился. Но потом сам прижался губами к ее губам. И тотчас же обнял ее, притягивая к себе все ближе. По спине Камиллы прокатилась жаркая волна, и от новизны ощущений девушка невольно закрыла глаза.

Внезапно руки, обнимавшие ее, дрогнули – и он отстранился. Опомившись, Камилла обнаружила, что смотрит в глаза цвета полированной бронзы. Китинг же откашлялся и пробормотал:

– Вообще-то...

– Прошу прощения, что подвергла вас риску попасть в адское пекло, – тихо произнесла Камилла, пытаясь собраться с мыслями и восстановить дыхание. – Впрочем, не знаю, кто счел бы меня в этот момент образцом целомудрия.

– О, меня определенно слегка припекло, – отозвался Китинг, по-прежнему не сводя с нее глаз. Но она понятия не имела, о чем он думал. Хорошо уже, что он не стал насмеяться над ней.

– Итак... Вы все еще хотите повезти меня завтра кататься? – спросила девушка. – Или мне придется довольствоваться чтением?

– Ждите на дорожке перед домом в половине второго, – ответил Китинг.

И только теперь Камилла вздохнула с облегчением. Как бы там ни было, она не разрушила такие интересные дружеские отношения – самые интересные из всех, что у нее когда-либо складывались. Отношения с мужчиной, который воспринял ее скандальные выходки как незначительный щелчок по носу высшего света. С единственным мужчиной, с которым она когда-либо целовалась.

– Да, хорошо, буду ждать. Я... Спасибо вам.

– Какого черта? За что вы меня благодарите? – спросил он, насупившись.

Она вздохнула.

– За то, что не стали смеяться, наверное. Не замерли с оскорбленным видом. За то, что не...

Тут Китинг шагнул к ней и, прижав к стене, снова поцеловал. И целовал до тех пор, пока она не почувствовала, что колени ее подгибаются. Когда же поцелуй, наконец, прервался, он тихо проговорил:

– Не благодарите меня за то, что повел себя по-идиотски и совершил поступок, который лишь осложнит ваше положение, Камилла. И не целуйте меня больше. Вы чертовски соблазнительны. Я стараюсь вести себя пристойно, но это, признаться, не по моей части.

С этими словами он резко развернулся и удалился обратно в зал, оставив Камиллу в одиночестве. Долгое время де-

вушка стояла у стены, трогая губы пальцами. «Так вот что такое поцелуй...» – думала она. Раньше ей никогда не доводилось целоваться. А теперь она понимала, что имели в виду ее подруги, говоря, что от простого прикосновения губ к губам кружится голова и трудно устоять на ногах. У нее до сих пор колени дрожали и подгибались.

Взявшись за дверную ручку, чтобы вернуться в зал «Персефона», Камилла вдруг подумала: «А ведь сейчас все мужчины в зале уверены, что мы с Китингом занимались за дверью... именно тем, чем и занимались». По спине девушки пробежал холодок, и она на мгновение зажмурилась.

Ох, наверняка все мужчины думали, что она весь год занималась тем же самым. И все-таки они сидели с ней за столом, улыбались ей за завтраком и уговаривали сбежать, предлагая взамен дешевые украшения. Камилла со вздохом облегчения открыла глаза. Бездна унижения, которая разверзлась у ее ног, постепенно затягивалась сама собой. Ведь с точки зрения великосветского общества она уже много месяцев целовалась с каждым встречным – и не только целовалась.

Она снова дотронулась до губ. Так почему бы ей в таком случае и впрямь не поцеловать мужчину? Ведь от этого людей, которые смотрят на нее косо, больше не станет. Возможно, Китинг не лучший выбор для таких дурачеств, но ее и так уже видели с ним. И, насколько она могла судить, сенсации не произошло. Хоть Китинг и пытался вести себя пристойно, Камилла вдруг поняла – в основном благодаря ему, – что ей

уже не обязательно всеми силами заботиться о приличиях.

– Боже мой... – прошептала она и невольно усмехнулась.

На полпути к Басвич-Хаусу его настиг дождь. Китинг пустил Увальня шагом и запрокинул голову, подставляя лицо холодным струям. Но это почти не помогло.

Проклятье, но ведь девчонка сама его поцеловала. Первая! Негодяйка приложила ладошки к его груди, закрыла глаза и пустила в ход необычайно действенное оружие – свои очаровательные губки. При воспоминании об этом по телу Китинга пробежала дрожь.

Но это он сам виноват – ведь намеренно держался с ней по-дружески. Вдобавок приложил старания, чтобы очаровать ее. А в прошлом очарованные им дамы почти всегда оказывались с ним в постели. В последнее время он особо не привередничал – только убеждался, что его избранница не замужем. Выбор в Шропшире был скудным, тем более что вскоре местные дамы узнали, насколько вредят их репутации романы с Китингом. Но монахом он все же не стал и не собирался.

Он тяжело вздохнул. Ведь Камилла Прайс была обручена с самого своего рождения – и не с кем-нибудь, а с его кузеном. К тому же Китинг усвоил урок и больше не вмешивался в жизнь супружеских пар. Конечно, Камилла и Стивен не были женаты, но ведь именно в том, чтобы поженить их, и заключалась его задача...

Кроме того... О господи, она ведь девственница! А он по-

знакомился с ней лишь с единственной целью – вернуть ее в объятия светского общества, а не в свои. В ней он ничуть не заинтересован. Кем бы Камилла ни была, она определенно не в его вкусе.

Вот потому-то он и старался избегать неискuschenных девиц. Для них, не имеющих опыта, каждый поцелуй становился чем-то особенным, а каждый шепот был клятвой верности. Еще до скандала с Элеонорой и ее мужем он пренебрегал разодетыми в белое молоденькими девицами в клубе «Олмак» и предпочитал более опытных дам. Правда, ничем хорошим это для него не закончилось. Однако он вовсе не считал, что смена опыта на девственность хоть что-нибудь изменит.

И вообще, что бы ни произошло, он уже выяснил и мысленно взял себе на заметку, где именно в Басвич-Хаусе Адам хранил спиртное. Видимо, ему не суждено было остаться трезвым даже на один день. Да, сейчас у него имелся повод выпить, хоть пьянство ничего не изменит и легче от него не станет.

Ударив Увальня пятками в бока, Китинг послал его рысью в сторону Гайд-парка и Роттен-Роу. Пить сегодня он все-таки не будет, зато вполне может проехаться верхом. К счастью, парк в это время обычно уже пустел. Дождь поливал траву и Роттен-Роу, и Китингу казалось, что сейчас, кроме него, во всем Лондоне больше не было ни души. Что ж, его это вполне устраивало.

Примерно час он галопом носился по лужам, пока они с Увальнем, наконец, не утомились. Лишь после этого Китинг, промокший до нитки, вернулся в Басвич-Хаус и поручил жеребца недовольному конюху.

– Хм... совсем не то, чего я ожидал, – послышался низкий голос герцога с балкона над холлом.

Китинг провел ладонью по мокрым волосам и начал подниматься по лестнице.

– Попал под дождь, – пояснил он. – Или вы считали, что дождевые капли остерегаются падать на меня?

– Вы весь забрызганы грязью, и теперь тащите эту грязь на мои ковры.

– Адам, я ужасно устал. Если хотите, можем устроить словесный поединок утром.

Гривз по-прежнему не сводил с него глаз, и Китинг не понимал, что он высматривал.

– Желаете, чтобы я и впредь делал вид, будто не знаю, зачем Фентон сегодня нанес вам визит? – спросил он наконец.

Китинг ненадолго остановился на верхних ступенях лестницы и, пожав плечами, проговорил:

– Фентон потребовал, чтобы я вел себя прилично и не порочил его доброе имя. Не понимаю, что тут удивительного.

– И он ни словом не упомянул о том, что вы разгуливаете по Лондону с его бывшей невестой?

– А вы вознамерились доискиваться правды до посинения? – Китинг прошел мимо друга и направился к отведен-

ным ему комнатам.

– Вполне вероятно, – сказал Гривз.

– Адам, это не моя тайна. Поэтому я ее и храню, – отозвался Китинг.

– И все-таки выкладывайте! – Герцог последовал за ним. – Я желаю знать все.

– Нет уж. – Китинг ухмыльнулся. – Видите ли, я порядочный человек, потому чужих секретов не выдаю.

Быстро раздевшись, Китинг насухо вытерся, после чего рухнул на постель и закрыл глаза. «Что ж, если вдуматься, то мои дальнейшие действия совершенно ясны – я должен привести Камиллу обратно к Фентону, – размышлял он. – И больше никаких поцелуев и нелепых фантазий». Да-да, пора с этим заканчивать – что бы он там ни чувствовал. Потому что чувства для него – непозволительная роскошь.

Сворачивая в высоком фаэтоне герцога Гривза на подъездную дорожку у клуба «Тантал», Китинг почему-то вдруг подумал, что не увидит у входа Камиллу. Однако она стояла у двери, беседуя с дамой-распорядительницей.

Китинг сделал вид, что не заметил, как мило она одета – на ней был зеленый с желтым муслин, а в руке она держала нарядный белый зонтик. Кроме того, он притворился, будто и не вглядывался в ее лицо, гадая, улыбнется ли она, увидев его. Но если улыбнется, то, значит, он завоевал ее доверие и пора переходить ко второй части плана.

Китинг тихо вздохнул, чувствуя, как в его душе снова ше-

вельнулся хищник. И в тот же миг Камилла заметила его, после чего губы девушки тронула робкая улыбка. Черт побери, она улыбалась ему. Да-да, ему! Китинг с некоторым опозданием изобразил циничную усмешку, останавливая пару вороных.

– Вы очаровательны, – произнес он, подавая Камилле руку, чтобы помочь забраться на высокое сиденье фаэтона.

– Благодарю, – ответила она.

Ощувив легкое пожатие ее теплых тонких пальцев, Китинг судорожно сглотнул.

– Куда бы вам хотелось поехать? – осведомился он.

Вспомнив, как отнеслась Камилла к вчерашней встрече с бывшими подругами в Грин-парке, он решил, что следующий час они проведут, просто катаясь по улицам вокруг клуба «Тантал». Что ж, и это неплохо. Лишь бы ему хватило времени побеседовать с ней. В сущности, без уединения даже лучше. Гораздо лучше.

– Вряд ли Амелия Даннинг сегодня снова рискнет навеститься в Грин-парк, – заметила Камилла. – Да и все остальные тоже. А мне очень хотелось бы покататься там.

Китинг вскинул брови.

– Вы уверены?

– Нет, не очень, но думаю, в парке мы все-таки должны побывать.

Молча кивнув, Китинг направил упряжку в сторону парка. Видимо, со вчерашнего дня его спутница успела собрать-

ся с духом. Но хорошо ли это для его планов?..

– У меня к вам вопрос, – сказал Китинг, решив, что не стоило тянуть время.

– А у меня к вам, – отозвалась Камилла. – Но начинайте первый.

Китинг на мгновение зажмурился.

– Вопрос о Фентоне, – предупредил он, покосившись на девушку.

– Я не хочу говорить о нем, – ответила Камилла, отвернувшись.

Немного помолчав, Китинг тихо сказал:

– Вы так и не объяснили мне, что он натворил. Почему вы сбежали от него?

– А какая разница? Я сбежала... потому что сбежала. И этот мой поступок имел и до сих пор имеет последствия.

– Да, пожалуй, разницы нет, – согласился Китинг, рассудив, что, будь эта девушка более покладистой, была бы уже замужем за Фентоном. А он, Китинг, мирно жил бы у себя в Шропшире. – И все-таки расскажите, пожалуйста, – добавил он.

– Зачем?

– Затем... Потому что вы наверняка никому другому об этом не рассказывали. А кто еще заслуживает такого доверия, если не обаятельный, пропахший спиртным повеса?

Камилла негромко рассмеялась, и смех ее напоминал журчание ручейка.

– Но сегодня от вас не пахнет спиртным, – заметила она.

– Да, разумеется, потому что я вообще не пил.

– Замечательно. Но это потому... что я вас оскорбила?

– Да, отчасти. К тому же я уже начинаю думать, что в следующий раз, когда выпью лишнего, у меня треснет череп. Предлагаю сменить тему. Вы... Фентон... Бегство из церкви... Объясните.

Девушка вздохнула, и ее светло-голубые глаза потупились.

– Ничего он не сделал, – пробормотала она.

Повернув фаэтон, Китинг въехал в Грин-парк, затем чуть придержал лошадей и пустил шагом, чтобы избежать столкновения с десятком других экипажей. И тотчас же выяснилось, что Камилла ошиблась: вопреки ее ожиданиям, молоденькие леди гуляли по парку чуть ли не толпами. «Если с силой катнуть по одной из дорожек шар для боулинга, то наверняка можно сбить сразу десяток девиц», – промелькнуло у Китинга. Но он тут же забыл о девицах. Юная леди, сидевшая с ним рядом, интересовала его гораздо больше.

Взглянув на свою спутницу, Китинг покачал головой.

– Нет, не верю. Если бы Фентон ничего дурного не сделал, вы бы вышли за него.

Камилла переложила зонтик с одного плеча на другое – словно отгораживалась от троих всадников, проезжавших мимо. Независимо от своего решения больше не обращать внимания на то, что о ней подумают окружающие, поощрять

пристальные взгляды она не собиралась. Как и расспросы Китинга. Но с другой стороны... Ведь она молчала уже целый год... А его довод выглядел вполне убедительно. И если кто-то и мог посочувствовать ей, то только он.

Боже милостивый! Сколько же сегодня юных леди собралось в парке! Невольно нахмурившись, Камилла повернулась лицом к Китингу и спиной – к доброй половине зрительниц. Грин-парк никогда прежде не бывал настолько многолюдным. Хм... неужели причиной тому некий на редкость привлекательный и прекрасно умеющий целоваться повеса с убийственно мрачной репутацией?

– Камилла, я все еще жду ответа, – раздался вдруг его голос.

Девушка вздрогнула от неожиданности и проговорила:

– Так вот: я отказалась выйти за него вовсе не потому, что он что-то сделал, – а потому, что не сделал ничего.

«А все-таки зря я не выпил немного...» – промелькнуло у Китинга. Взглянув на свою спутницу, он сказал:

– Нельзя ли поподробнее?..

– Мы со Стивеном Поллардом были обручены с тех пор, как мне исполнилось три дня от роду, а ему – семь лет. В ранней юности мне казалось, что это очень романтично. Я думала, что он окажется настоящим красавцем, будет присылать мне розы, а также писать стихи и любовные письма. Но я ничего не получила... – Камилла вздохнула, вспоминая о своей былой наивности. За неделю до своих дней рож-

дения и годовщин подписания брачного контракта, а также еще неделю после этих дат она изводила отца вопросами – мол, нет ли для нее письма или хотя бы какого-нибудь другого подтверждения тому, что Фентон помнил об узах между ними.

– Но он хоть поддерживал связь с вами?

– Нет. Никогда. Я видела его несколько раз на вечерах после своего дебюта в свете, но он, едва услышав о моем присутствии, тут же спасался бегством. Во всяком случае, всячески старался избегать меня.

– Недоумок, – буркнул Китинг, и она увидела, как его пальцы крепко сжали поводья. – А если бы я сказал, что это его обычное поведение? Тогда что-нибудь изменилось бы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.